

ПРОВОДЫ БЕЛЫХ НОЧЕЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Н и н к а.

Ж а н н а.

Т а м а р а.

К и р а.

З и н а.

К о с т я.

В и к т о р.

В а л е р и к.

Г е р м а н.

Р э м.

М а х р о в ы й.

Б е с с л о в е с н ы й с п у т н и к М а х р о в о г о.

М а т ь В а л е р и к а.

С л е д о в а т е л ь.

П р о д а в щ и ц а ц в е т о в.

П р о д а в е ц ш а р о в.

О ф и ц и а н т к а.

Молодежь в парке, прохожие на улице, люди,
пришедшие с обыском, люди в поезде.

1

Луч прожектора бродит по залу, нащупывает, ищет... Высоко под крышей какого-то ленинградского дома он высветил простенькую комнату.

В комнате девушка Н и н к а. Она собирается в путь. Укладывает в рюкзак последние мелочи - мыльницу, книгу. Чемодан уже уложен и стянут ремнем.

Лампа горит неярко. Белая ночь смотрит в окно поверх крыш с антеннами и трубами. Нинка закончила сборы, прилегла на оттоманку. Усталая, потянулась, свернулась клубочком и уснула вмиг. Уснула так крепко, что ее не может разбудить телефон, заливающийся за дверью.

Кто-то стучит в дверь: "Нинка!" Спит Нинка. Стучат и зовут громче: "Нинка!" Это как зов судьбы. Но не слышит Нинка. Стучат изо всех сил: "Нинка!! К телефону!!!"

Нинка проснулась. Вскочила, выбежала за дверь, где на стене телефон.

Н и н к а. Я слушаю. - А кто это? - Кто? - Ой! Да не может быть! Жанночка! Здравствуй, Жанночка! Наконец-то появилась! Жива-здоровая? А мы думаем, думаем - где ты есть, почему исчезла, никому даже не сказала... Ой, ну надо же, чтоб именно сегодня ты позвонила! Вот совпадение! - Потому что я уезжаю. - Утром. - Да вот ночь пройдет, и уеду. - Нет, не в дом отдыха, нет, не по туристской путевке, нет, не в отпуск... - Ой, даже не знаю, Жанночка, на сколько. Надолго! Может быть - навсегда, неизвестно. (Напевает.) "Прощай, дорогая, вернусь ли, не знаю..." - Никакая не шутка, правда. - Далеко, в город Рудный. - Рудный. Не слышала? А его еще строят, этот город. При Соколовско-Сарбайском комбинате. - Как тебе объяснить? Это почти на границе Казахской ССР и Зауралья. Тургайская степь. Да, Жанночка, такие дела. Поезд отходит (смотрит на часы) через десять часов. К половине восьмого собираемся на Московском вокзале. Целым эшелоном едем, всё комсомольцы. Организации будут провожать, с музыкой, торжественно... Но ты расскажи о себе.

Из будки телефона-автомата отвечает Ж а н н а: стильно одетая девушка со слегка отвислой губой, многозначительная, без юмора. Иногда она теряет свою

многозначительность и вескость и становится простушкой, сбитой с толку неудачными жизненными обстоятельствами.

Ж а н н а. Обо мне по телефону не расскажешь.

Н и н к а. Где ты пропадала?

Ж а н н а. Это целая эпопея.

Н и н к а. Сумасшедшая. Взяла и исчезла, надо же.

Ж а н н а. Я хотела выиграть сто тысяч по трамвайному билету.

Н и н к а. Что ты говоришь, я не поняла.

Ж а н н а. Неважно. В общем, не выиграла. А заплатила за билет дорого. Того и не стоит билет, что я за него заплатила.

Н и н к а. Жанка, бедная, я чувствую, с тобой нехорошее что-то случилось!

Ж а н н а. В общем, конечно, хорошего мало.

Н и н к а. Приходи ко мне! Ты далеко?

Ж а н н а. Порядочно.

Н и н к а. Все равно приходи. Сейчас же! Садись на что-нибудь и приезжай.

Ж а н н а. Не могу, Ниночка.

Н и н к а. Я одна, Кости дома нет, славненько поговорим с тобой...

Ж а н н а. Нинка, знаешь что? Пойдем на бал.

Н и н к а. Куда?

Ж а н н а. На бал, в Це-пе-ка-о. Ты что, на афиши не смотришь? Сегодня проводы белых ночей.

Н и н к а. Ах, верно, проводы белых ночей.

Ж а н н а. Пошли!

Н и н к а. Ну что ты, Жанночка.

Ж а н н а. Почему?

Н и н к а. Я же утром уезжаю.

Ж а н н а. До утра еще далеко.

Н и н к а. Платья упакованы...

Ж а н н а. Что, трудно распаковать?

Н и н к а. Смялись в чемодане...

Ж а н н а. Трудно прогладить?

Н и н к а. Да ну тебя, Жанна. Я эти дни замоталась.

Ж а н н а. А если друг тебя просит?

Н и н к а. Ну не хочется мне.

Ж а н н а. Нинка, в минуту жизни трудную - протяни руку. Не поленись ради человека прогладить платье.

Н и н к а. Как ты ставишь вопрос.

Ж а н н а. Отнесись чутко.

Н и н к а. Неужели так важно, чтобы я пошла?

Ж а н н а. Исключительно.

Н и н к а. Пришла бы ко мне, поговорили бы... Ты кого-то хочешь увидеть в Це-пе-ка-о?

Ж а н н а. Всё при встрече.

Н и н к а. Тебе необходимо?

Ж а н н а. Последний акт чудовищной драмы.

Н и н к а. Жанка, ты ужасная.

Ж а н н а. Я буду ждать на остановке двенадцатого номера.

Н и н к а. Ужас, ужас. Ты пойми, я все-все в Ленинграде покончила. Целый список был разных дел - все до одного покончила. Сижу на чемоданах.

Ж а н н а. Смешно. Как будто я тебя на какую-нибудь скуку тащу. Исключительный бал. Подумаешь, веселье - десять часов сидеть на чемоданах. В Рудном есть белые ночи?

Н и н к а. Я не знаю...

Ж а н н а. Наверно, нет.

Н и н к а. Возможно, нет.

Ж а н н а. Вот видишь.

Н и н к а. Ну, что-нибудь другое там есть, чего нет у нас.

Ж а н н а. Но не белые ночи и не проводы белых ночей. Слушай, мне пришло в голову - если у тебя, может быть, нет подходящего платья, я с удовольствием...

Н и н к а. У меня есть очень даже подходящее платье, я к Первому маю сшила, ты не видела... Ладно, уговорила. Ладно, сейчас одеваюсь и еду.

Ж а н н а. Молодчина. Ты всегда была настоящий человек. Последняя остановка двенадцатого, на кольце.

Она выходит из телефонной будки. Парами, стайками, толпами спешит молодежь к мосту, ведущему с Крестовского острова в Центральный парк культуры и отдыха.

Музыка доносится из парка. Фонари не горят, все налито прозрачным обесцвечивающим светом белой ночи.

У моста п о ж и л о й ч е л о в е к продает воздушные шары.

П р о д а в е ц ш а р о в. Покупайте, ребята, покупайте! Купите, девочки, по шарiku, будете еще симпатичней!

У себя в комнате Нинка переделалась для бала. Стоит раскрытый чемодан. На гладильной доске утюг.

Н и н к а (смотрится в зеркало, веселая, сна уже ни в одном глазу). Ничего себе? Ничего себе!

Уже готова уйти, но входит Костя, ее брат. Он двумя годами старше Нинки. В его фигуре, в манере держаться - уверенность и основательность. Он нагружен покупками.

К о с т я (ставит авоську на стул). Разгружай! Это на дорогу.

Н и н к а. Косточка, да ты что?

К о с т я. Тут уже что-то потекло. Надо уложить получше. Дай какую-нибудь баночку. Ничего страшного, это мед.

Н и н к а (помогает ему). С ума сойти! Ты соображаешь?!

К о с т я. Перехватил, думаешь?

Н и н к а. Я за всю жизнь столько не съем.

К о с т я. Ребята помогут. Ехать долго. Колбасу тоже надо завернуть как следует. А это ешь сейчас. (Достает коробочку.)

Н и н к а. Эклер!.. Ой, Косточка, вспомнил, что я обожаю больше всего на свете!

К о с т я. Ешь.

Н и н к а (ест). Свежий какой! Я тебе сварила борщ, целую кастрюлю, у Катерины Ивановны в холодильнике. Все-таки хоть первые дни - придешь домой, поешь домашнего. Катерина Ивановна будет пускать тебя в свой холодильник, я договорилась.

К о с т я. Да, перед заводом выставили портреты. Тех, кто едет.

Н и н к а. И мой?

К о с т я. Твой лучше всех получился. Прямо - живая. А ты чего нарядилась, идешь куда?

Н и н к а. На бал. Проводы белых ночей.

К о с т я. А стоит на ночь глядя, перед самым отъездом - на бал?

Н и н к а. Балы, Косточка, всегда бывают на ночь глядя, днем не бывают. А портреты выставлены на проспекте или в сквере?

К о с т я. Ну да, еще на проспекте захотела. В сквере, около клумбы с этими большими цветами, как их?

Н и н к а. Пионы.

К о с т я. С кем ты идешь?

Н и н к а. С Жанной. Помнишь Жанну, на втором конвейере работала?

К о с т я. Зачем тебе эта Жанна?

Н и н к а. Разве она плохая? Жанна хорошая девочка.

К о с т я. Пустоголовая, по-моему.

Н и н к а. Ну, разве? Косточка, я ключ беру, так что ты ложись, спи себе.

К о с т я. И тебе бы выспаться перед дорогой.

Н и н к а. Я в дороге выплусь. Заберусь на верхнюю полку и ка-ак выплусь! А проснусь - подумай - уже кто его знает где! Совсем другие места за окошком! Паровоз гудит, ребята песни поют...

К о с т я. Молодец ты, Нинка.

Н и н к а. Тебе приятно было, когда ты увидел мой портрет? Около клумбы с пионами. Около клумбы с белыми пионами.

К о с т я. Ладно, хватит задаваться. Ладно, потанцуй беги.

Н и н к а. Ну пока, Косточка!

Она сбегает по маршам высокой лестницы. Ей навстречу взлетают огни фейерверка. В белой ночи они неярки, жемчужны. Бледные их отражения рассыпаются в прудах Центрального парка культуры и отдыха.

Музыка. По аллеям парка гуляет молодежь. Появляются и уходят танцующие пары.

В л а р ь к е ж е н щ и н а продает цветы. Проходит продавец шаров.

Три молодых человека - В и к т о р, В а л е р и к и Г е р м а н купили себе по шару и, поигрывая ими, сидят на скамейке.

В и к т о р. Что привлекательно? Привлекательна легкость, с которой к этому относятся. Мудрая, человечная легкость. Легкость призыва, легкость расставанья. Люди дали друг другу красивые минуты...

В а л е р и к. И никто по этому поводу не поднимает шума.

В и к т о р. И расстаются благодарные.

Г е р м а н (он слегка заикается). К-кому благодарные?

В и к т о р. Друг другу, конечно.

В а л е р и к. И судьбе, которая о них позаботилась.

Г е р м а н. А!

В и к т о р. Ни малейшего ханжества. Школьница, совсем девчонка, с портфельчиком идет, а губы и ресницы накрашены.

Г е р м а н. З-зачем?

В и к т о р. Что зачем?

Г е р м а н. Зачем она накружилась, школьница?

В а л е р и к. Ну, у них так принято. Не притворяйся, Герман.

Г е р м а н. Я не притворяюсь. Я правда подумал: з-зачем?

В а л е р и к. Вообще-то - приятней свежее личико, ничем не испачканное.

В и к т о р. Зависит от общего стиля. Знаешь, какой бывает грим - с ног сшибает.

В а л е р и к. У нас не умеют.

В и к т о р. Но где еще непринужденней - это в Париже. По улице идут обнявшись.

Г е р м а н. И у нас. Я часто вижу - идут обнявшись. Честное слово.

В и к т о р. Прощаются - целуются.

Г е р м а н. И это видел. Честное слово.

В а л е р и к. Но у нас это вызывает косые взгляды, когда целуются на улице.

Г е р м а н. Почему ты знаешь, м-может, и там вызывает чьи-нибудь косые взгляды.

В и к т о р. Вот ослиный скептицизм, что ни расскажешь - он все подвергает сомнению.

Г е р м а н. Нет, п-почему же. Я просто хочу в каждом случае разобраться как следует.

Продолжай, Виктор, пожалуйста. Мне очень нравится, как ты к-компетентно рисуешь развернутую картину европейских нравов.

Р э м (подходит). Кто рисует развернутую картину европейских нравов? Здравствуйте, ребята.

Г е р м а н. Здравствуй, Рэм. Вот он рисует.

Р э м (подсаживается). Ты ходок по европейским нравам, Витя?

Г е р м а н. Да, он ходок. Он был в Европе в общей сложности почти месяц.

В и к т о р. Рэм, где твой шар?

Р э м. Я тоже, возможно, скоро поеду за границу. У нас предвидится целая серия научных командировок, и так как я в нашем институте не из последних...

В и к т о р. Рэм, купи шар.

Р э м. Хотелось бы в Англию. Там по нашей части интереснейшие...

В и к т о р. Рэм, купи шар.

Р э м. Это что, обязательно?

В и к т о р. Если хочешь с нами сидеть - обязательно.

Г е р м а н. Так задумано. Видишь, мне тоже велели купить. Видишь, мы так выглядим гораздо п-привлекательней.

В и к т о р. Тебе что, рубля жалко?

Р э м. Господи, Витя, пожалуйста, если это нужно для твоего самочувствия...

В и к т о р. Жизнь, друзья, надо украшать.

В а л е р и к. По возможности, чем бог послал.

Рэм покупает шар и возвращается.

В и к т о р. Жизнь надо разнообразить. Не пренебрегая в том числе и малостями. По всей жизни расставить вехи: большие вехи, маленькие вешки... чтоб было что вспоминать. Что я видел? Ну, что я видел? А ты что видел? А ты?.. А отгрохали уже по четверть века.

В а л е р и к. Ну, почему ты так уж...

Р э м. Лично я надеюсь повидать еще порядочно.

В а л е р и к. Я тоже.

В и к т о р. Страшное дело, как подумаешь... Вот, вчера хоронили Елену Артемьевну...

Р э м. Кто такая Елена Артемьевна?

В и к т о р. Это была когда-то у нас с Германом классная воспитательница, она же преподавала математику. Вчера похоронили - с венками, речами...

Г е р м а н. Ты был на похоронах?

В и к т о р. Представь.

Г е р м а н. П-почему я тебя не видел?

В и к т о р. Я спрятался за чьим-то памятником. Не переносу похорон, брр!

В а л е р и к. Я тоже, абсолютно. Не понимаю, зачем люди ходят на похороны.

В и к т о р. Черт его знает, вдруг взял и пошел. Она в нашем доме жила. Вдруг вспомнилось, как я приходил в школу... таким умытым, старательным мальчишкой. И она всегда была уже там. Бежит из учительской со своим портфелем... Худенькая, не старая еще... Всех наизусть знала кто что собой представляет... А как она сердилась, если мы не понимали, помнишь, Герман? Учила нас, обормотов, учила...

Р э м (вежливо удивляясь). Вот уж от кого не ожидал таких чувствований, это от Вити.

В и к т о р. Что, друзья, ужасно. Нет, вы скажите: так жить, как она жила, - ведь ничего, кроме хорошего, не сделал человек, - и все равно, пожалуйста...

Г е р м а н. А ты что п-предлагаешь?

Р э м. Ты хочешь для праведных высшей награды - чтобы они жили вечно?

В и к т о р. Над чем иронизируете? Элементарное свинство: безразлично - праведник ты или скотина...

Р э м. Награду, какая нам причитается, мы только до тех пор получаем, пока нам не скажут "пожалуйста".

В а л е р и к. Или не получаем.

Р э м. Бывает и так.

В а л е р и к. Сплошь и рядом.

Р э м. Что поделаешь, - поскольку мир устроен еще не совершенно...

В и к т о р. А тогда, если вдуматься, - какого черта?.. Раз все равно скажут "пожалуйста".

В а л е р и к. Именно, какого черта ты завел эту пластинку? Ты считаешь - ты этой проблематикой украшаешь жизнь?

Г е р м а н. Это он п-подводит базу под свою теорию украшения жизни. Не мешай ему.

В а л е р и к. Можно подумать - что-нибудь изменится, если мы начнем эти вопросы обсуждать. Глупо, как не знаю что.

Р э м. В самом деле, ребята, замяли. Темочка, прямо сказать, старомодная и бесплодная.

В а л е р и к. Я и говорю. Какой смысл трепаться о вещах, которые от нас не зависят?

Р э м. Ты где сейчас, Валерик?

В а л е р и к. То есть как - где? Здесь.

Р э м. В отпуску или в командировке?

В а л е р и к. Почему? Я живу в Ленинграде постоянно.

Р э м. Я слышал - ты уехал по распределению на Сахалин.

В а л е р и к. Я был на Сахалине.

Р э м. А теперь?

В а л е р и к. Вот, в Ленинграде.

Р э м. Я в смысле работы.

В а л е р и к. Видимо, буду работать в редакции "Смены".

Р э м. Ты отделение журналистики окончил?

В а л е р и к. Журналистики.

Р э м. Интересная профессия.

В а л е р и к. Не особенно. Что, собственно, интересного? Гонять за материалом? В университете я не думал, что это так однообразно. На практике не очень загружали - не успел заметить, какая все это, в сущности, серятина.

Р э м. Работа есть работа, я тебе скажу. Элемент повторности, единообразия есть везде. Триста рабочих дней в году: как они могут капитально друг от друга отличаться, что ни возьми - редакцию, или лабораторию, или завод? У нас то же самое. Разница в точке зрения. Мне, наоборот, нравится, что когда я утром иду в лабораторию - я твердо знаю, что я там найду и где что стоит. Я взыскиваю с лаборантов, если что-нибудь окажется не на месте. Уверяю тебя, в том, что ты называешь серятиной, есть своя прелесть. Прелесть положительности. Прелесть прочности бытия, я бы сказал.

Г е р м а н. Я люблю устойчивость вещей. В п-прошлом году наш дом присоединили к теплоцентрали. Как я огорчился! Я понимаю, что так дешевле, удобней, чище, все что хотите. Но я привык, чтобы дрова трещали в печке.

Р э м. Это было мило. Но экономически невыгодно. И пожаров было больше.

Г е р м а н. Но это было мило, ты с-согласен. Не люблю, когда уходит милота.

В и к т о р. Какая может быть милота, когда в мире существует водородная бомба и так далее.

Г е р м а н. Нет, Виктор. Все равно может быть милота. Вот я сюда пришел - п-почему я пришел? Потому что это мило, проводы белых ночей. Милая чья-то выдумка. Милая ленинградская традиция. Да здравствуют милые человеческие традиции, п-плюющие на водородную бомбу.

Р э м. Да, если бы так просто было на все наплевать...

В а л е р и к. А не потанцевать ли нам? А? Не потанцевать ли, говорю? Вон, кажется, ничего девочки.

Г е р м а н. Вот з-завидная неугомонность, честное слово.

В а л е р и к. Пошли, а? Виктор, пошли? Чур, мне беленькая.

В и к т о р. А ну их, беленьких, черненьких.

Г е р м а н. Виктор делает вид, что у него беленькие и черненькие уже сидят в п-печенках.

Р э м. Как ты терпишь, Витя, этого разоблачителя?

В и к т о р. А пусть разоблачает на здоровье. Мы к разоблачениям привычные.

В а л е р и к. Ну обратите же внимание: сколько девочек жаждет с нами танцевать. Ведь как готовились. Стояли в очереди на завивку. Мечтали с нами познакомиться. Мечтали нас полюбить.

Р э м. Ты поэт, Валерик, оказывается.

Г е р м а н. Да, бывают минуты, когда он п-поэт.

В а л е р и к. Не будьте снобами. Надо входить в положение. Крутятся друг с другом, бедные мотыльки. Сердчишки замирают - неужели не будет ничего? Ночь пройдет, и ничего? Неужели зря стояла в очереди на завивку? А мы сидим не при деле, просто негуманно.

Р э м. Браво, Валерик!.. Я прощаюсь, ребята. Мы приехали компанией, я вас увидел - отстал от своих. Меня ждут в ресторанчике. До свиданья. Всех благ. (Пожимает руки и уходит.)

В а л е р и к. Ну - а я нырнул в эту стихию! Пока! (Подхватывает одну из двух чинно топтавшихся в паре девушек и удаляется с нею, танцуя.)

В и к т о р (вслед лениво). Желаю успеха!

Д е в у ш к а, о с т а в л е н н а я п о д р у г о й (кричит вслед). Оля! Я тебя тут подожду на лавочке!

Она садится на свободный конец скамьи, поглядывая на Виктора и Германа. Но тем надоело сидеть, и это знакомство не входит в их планы. Они встают и уходят. Огорченная девушка достает из сумочки пудреницу и пудрит нос.

П р о д а в щ и ц а ц в е т о в (продавцу шаров). Ваш товар идет хорошо. Которую связку начали?

П р о д а в е ц ш а р о в. Уже пятую. Народ любит шары.

П р о д а в щ и ц а ц в е т о в. Вот, понимаете, а цветы неважно идут. На Невском идут хорошо, а здесь неважно. Нет того воспитания, чтоб девушке букетик подарить. Ведь вот пион, либо гвоздичка, они ведь больше, я думаю, украшают женщину, чем эти цапки на ушах.

П р о д а в е ц ш а р о в. Видите, они шарик напетляют на пуговицу, или на браслетку, у них руки слободны, и танцуют. А букет, куда его? При танцах руки заняты.

П р о д а в щ и ц а ц в е т о в. В цветке зато поэзия. Цветок зато природой пахнет, не то что ваш шар.

П р о д а в е ц ш а р о в (проходящей паре). Шарик для барышни, товарищ лейтенант.

П р о д а в щ и ц а ц в е т о в (потрясая букетом). Товарищ лейтенант, букетик возьмите, свежий букет, замечательный букет!

Лейтенант покупает шар. Пара проходит. Входят Н и н к а и Ж а н н а.

Н и н к а. Вот свободная скамеечка. Посидим немножко. Ты уверена, что он здесь?

Ж а н н а. Мне сказали, он определенно собирается быть здесь.

Н и н к а. Ну посидим. Не обязательно мы с ним встретимся, если будем бегать по всему парку. Вдруг он как раз по этой аллее пройдет. (Садятся.) Рассказывай, Жанночка, дальше. И ты, значит, за ним поехала?

Ж а н н а. Я за ним поехала.

Н и н к а. Как же ты поехала?

Ж а н н а. Очень просто. Села в поезд и поехала.

Н и н к а. Он тебе говорил, приглашал тебя?

Ж а н н а. Жить без него не могу. (Заплакала.)

Н и н к а. Где это Красная Поляна?

Ж а н н а. На Кавказе. Жутко красиво.

Н и н к а. И, наверное, жутко дорого стоило?

Ж а н н а (сморкается). Не говори. Одна дорога сколько.

Н и н к а. Как же тебе хватило?

Ж а н н а. Когда я увольнялась, мне отпускные дали, раз. Потом - у меня на пальто куплено было, такое, знаешь, вроде букле, - отнесла в скупочный.

Н и н к а. Жанка ты, Жанка.

Ж а н н а. Конечно, не хватило, где там хватить. Обратно ехала - даже на хлеб не было, в вагоне студенты какие-то кормили. Да и там... почти что на одном хлебе, последнее время черешни иногда покупала, черешня недорогая была (сморкается), два рубля кило.

Н и н к а. И сколько ты там пробыла?

Ж а н н а. Почти полтора месяца, пока шли съемки.

Н и н к а. Он артист?

Ж а н н а. Еще нет. Еще он учится на артиста. Но уже несколько раз снимался в кино.

Жутко талантливый.

Н и н к а. Как фамилия?

Ж а н н а. Фамилия ничего не скажет. Он пока еще не в самых ведущих ролях снимается.

Н и н к а. Жанночка, сумасшедшая. И что теперь?

Ж а н н а. Почему я знаю?

Н и н к а. На завод не вернулась.

Ж а н н а. Я бы вернулась. Так мое место занято, а в разнорабочие спасибо. Сейчас знаешь как трудно устроиться на хороший завод. С десятиклассным образованием поприходили... Я пока приткнулась на одну тут фабричку, панамки шить.

Н и н к а. Что шить?

Ж а н н а. Ну, эти шапочки. Дети носят и старые бабки. Мы их шьем кошмарное количество. Фабрика там, три окна на улицу... Одна я молодая, а то всё старухи. Про поликлинику разговаривают, про болезни. У кого почки, у кого что. Что ни наденешь, всё обсуждают, все им не нравится.

Н и н к а. Что-то надо придумать. Чего ради тебе там сидеть? После такого коллектива, как наш! Ты зря боишься в разнорабочие. При нашей технике - ничего страшного. Даже маникюр не испортишь: рукавицы.

Ж а н н а. Не много наработаешь в рукавицах.

Н и н к а. Ну и попортишь руки - беда небольшая. Зато свой завод. Поработаешь разнорабочей, потом что-нибудь подвернется более подходящее. Досада, что позвонила ты, когда мне уезжать, я уже ничего не смогу сделать.

Ж а н н а. Что ты вообще могла?

Н и н к а. Я бы пошла в комитет комсомола.

Ж а н н а. Я не комсомолка.

Н и н к а. Неважно. Я бы объяснила... Слушай! Ты зайди к Косте.

Ж а н н а. Он ко мне относится не особенно.

Н и н к а. Ничего не значит. Костя не тот человек, чтобы из-за личного отношения не помочь товарищу. Я ему скажу. Непременно придешь к нему, слышишь? Вернешься, успокоишься, и будет эта твоя Красная Поляна как сон. И все заживет понемножку.

Ж а н н а. Ты понимаешь: я из больницы записку послала - хоть бы две строчки ответил... Я, честное слово, Нинка, не жадная; но хоть бы яблочко, шоколадку, - просто как внимание. Все, ну все в палате записки получали, передачи; я одна ничего. (Сморкается.)

Н и н к а (тоже сморкается). Ты ресницы размазала, вытри... И после всего этого ты еще за ним бегаешь! Надо же! Сама жалуется, а сама бегаешь! Да я бы видеть его не могла! И врешь ты, что последний акт драмы! Ничего не последний! Прибежала посмотреть на него! И будешь бегать, хоть бы что! Потому что у тебя ни капельки самолюбия!

Ж а н н а. Что ты знаешь об этих вещах?

Н и н к а. Должна быть женская гордость!

Ж а н н а. Это в художественной литературе.

Н и н к а. Художественная литература отражает жизнь. Возьми какой угодно положительный образ - все имеют женскую гордость!

Ж а н н а. Не знаю. Когда он меня поцеловал - ну, всё... Ты не поймешь.

Н и н к а. Ладно, Жанка, хватит. На нас уже смотрят. Поплакали и хватит. (Показывает на продавщицу цветов.) Вон тетенька смотрит.

Ж а н н а. Расскажи теперь о себе.

Н и н к а. А у меня что. Я тебе по телефону все рассказала. Со мной ничего такого не было. Еду в Рудный строить семилетку.

Ж а н н а. Я все-таки не понимаю, как это бросить Ленинград и уехать в какой-то Рудный. Неужели не жалко?

Н и н к а (весело). Что ты. Конечно, жалко. Уезжать, наверно, всегда жалко. Я из деревни уезжала, когда на картошку, помнишь, посылали, - и то было жалко. А Ленинград!.. Ты права, что этого уже нигде не будет. Где еще такие дома? Столько речек, каналов? Где еще бывают белые ночи? Где их провожают?

Каскады фейерверка.

Знаешь, куда мне понравилось ходить? В филармонию. Мы с Клавой стали ходить в филармонию. Клавка на все хорошие концерты доставала билеты. Стоячие. На хорах стоим и слушаем. Ты когда-нибудь была в филармонии?

Ж а н н а. Это на Бродского? Нет, не была.

Н и н к а. Ах, Жанка, ты сходи! Какой зал! Весь белый, сияет, весь такой (приподняла руки) - не могу объяснить, какой! Он сам как музыка. Стоишь наверху и слушаешь, и такое счастье!.. Это нас тетя Маня, из завкома, надоумила - сходили бы, говорит, девочки. Она очень культурная.

Ж а н н а. А мне говорили - там можно подохнуть от скуки.

Н и н к а. Ничего подобного. (Полна желаний приобщить подругу к своим радостям.) Ты попробуй сходи, Жанночка! Вдруг тебе тоже...

Валерик с девушкой возвращаются, танцуют.

Ж а н н а (метнулась). Валерик!

В а л е р и к. А, Жанночка, привет...

Ж а н н а. А где Витя? (Идет за ним.) Валерик, где Витя?

В а л е р и к (продолжает танцевать, пытается избежать разговора с Жанной; партнерше). Темп, темп, деточка!

Ж а н н а (останавливает его). Постой... Витя здесь?

В а л е р и к. Жанночка, ты же видишь, что здесь его нет.

Ж а н н а (держит его за локоть). Он в Це-пе-ка-о.

В а л е р и к. По-моему, нет.

Ж а н н а. Мне сказали, что он будет в Це-пе-ка-о. Не ври.

В а л е р и к. Может, и будет, я не знаю...

Н и н к а (зовет). Жанна!

Ж а н н а. Не ври! Он где-то здесь! Раз ты тут - он тоже где-то здесь!

В а л е р и к. Жанночка, ну смешно. Ну только давай не психовать. Ну успокойся. Ей-богу, пора понять, что отношения выяснены окончательно.

Ж а н н а. А тебе что? Твое какое дело?

В а л е р и к. Просто жалею тебя. Ну к чему эта трепка нервов?

Ж а н н а. Это ты на него влияешь, что он от меня прячется!

Н и н к а. Жанна! Жанна! Жанка, иди сюда!

Ж а н н а. Он ко мне хорошо относился, а ты на него повлиял! Все из-за тебя!

В а л е р и к. Бедная деточка, ну ей-богу, ну что мне, действительно?

Ж а н н а. Это ты ему сказал, что я примитив!

В а л е р и к. Только не кричи! Я тебя умоляю!

Н и н к а. Жанна! Иди сюда! Жанна!

Ж а н н а. Это ты ему сказал!

В а л е р и к (рассердился). Клянусь, он лучше меня в этом разбирается. Ну вот клянусь - он до этого дошел своим умом. Без моего влияния.

Кругом приостановилось несколько пар. Вскочила и стоит в растерянности Нинка. Испуганная отчаянным видом Жанны, покинула Валерика его партнерша, к ней присоединилась ожидавшая ее подруга, и они торопливо удалились.

Н и н к а (подходит к Жанне и берет ее за руку). Жанка! Пойдем! Правда же, не нужно... Правда же, ужасно как-то нехорошо...

Но Жанна разом стихла и оцепенела - она увидела В и к т о р а, который приближается вместе с Г е р м а н о м, поигрывая воздушным шаром.

Ж а н н а. Витя...

В и к т о р (остановился). Боже мой.

Ж а н н а (робко). Здравствуй, Витя.

В и к т о р. Привет.

Ж а н н а. Вот совпадение - и ты, оказывается, тут. А мы с подругой тоже решили пойти потанцевать немножко... Знакомьтесь: моя подруга Нина. Виктор. Валерик. А это не знаю...

Г е р м а н (здоровается). Герман.

Всеобщая скованность.

Ж а н н а. Ну, как ты живешь, Витя?

В и к т о р. Спасибо, нормально.

В а л е р и к. Пошли, Жанночка, - вальс.

Ж а н н а (Виктору). У тебя загар уже немножко сошел.

В а л е р и к. Алло, Жанна! Ты слышала?

Ж а н н а. Ты был - прямо как бронза. А сейчас уже посветлей.

В а л е р и к. Жанна! Я тебя приглашаю на вальс!

Ж а н н а. Не хочу, Валерик. Мы с Нинкой уже танцевали, танцевали. (Упирается.) Не хочу.

В а л е р и к. Что значит "не хочу", на бал пришла и "не хочу".

Ж а н н а. Витя, слушай, мне с тобой нужно поговорить.

В а л е р и к. Если не хочешь танцевать со мной - вот, Герман тоже тебя приглашает.

Г е р м а н. П-простите, Жанна, нет. Очень прошу меня извинить, но я не приглашаю. Он шутит. Я не танцую. Не умею. И мне вообще пора. Я должен п-проститься.

В и к т о р. Какого черта! Почему тебе пора?

Г е р м а н. Спать пора. Меня мама приучила рано ложиться спать. До свиданья.

В а л е р и к (тихо). Слушай, не будь ренегатом, нельзя же бросить Витьку в беде.

Г е р м а н. Мне неизвестно, кто тут в беде. Есть вещи, которых я ну, не п-переношу.

Органически. Будьте здоровы, Нина.

Н и н к а. До свиданья...

Герман уходит.

В и к т о р. Нам тоже пора. Уже давным-давно.

В а л е р и к (кричит). Герман, подожди, мы с тобой!

Герман не оборачивается.

Ж а н н а (Виктору). Обожди. Минуточку. Не уходи. Мне обязательно надо сказать одну вещь!

В и к т о р. Еще не все сказано?

Ж а н н а. Просто пару слов.

В и к т о р. Я слушаю.

Ж а н н а. Нет. Не при всех. Пройдемся немножко.

В а л е р и к (Виктору). Слушай, в самом деле. Поговори еще раз. Попытайся объяснить.

В и к т о р. Да, объясни попробуй.

В а л е р и к. Но как-то все же, я не знаю. А заявления вздумает писать - лучше тебе будет? Зачем до этого доводить? Надо успокоить...

В и к т о р (с яростной выдержкой). Да, Жанна. Слушаю тебя.

Они уходят. Нинка и Валерик остаются вдвоем.

Н и н к а (ей мучительно неловко). Вот попала я... Надо же! Я и не хотела идти. Я утром уезжаю. Совсем не хотела идти.

В а л е р и к (небрежно-ласково). Ничего. Что ж делать.

Н и н к а. Даже не сказала - ждать ее?..

В а л е р и к. Подождем.

Н и н к а. Я думаю, мне кажется - она скоро придет.

В а л е р и к. Придет!

Н и н к а. Какая-то ерунда получилась. Жди ее теперь.

В а л е р и к. А, деточка. Все ждут.

Н и н к а. Кто ждет?

В а л е р и к. Все. Видите (показывает): он ждет, она ждет. Вы ждете, я жду. Все, все ждут. Всю жизнь.

Н и н к а. Чего ждут?

В а л е р и к. Кого-то. Чего-то. Чего-нибудь. Всю жизнь ждут, а вам десять минут трудно подождать.

Н и н к а (улыбнулась, взглянула на него). Я не сразу поняла... А верно - все всю жизнь чего-нибудь ждут.

В а л е р и к. Сейчас они еще раз выяснят отношения, и она придет. Потанцуем пока, хотите?

Н и н к а. Лучше походим тут. (Скамья уже занята, и присесть негде.) А то вдруг мы с ней потеряем друг друга. Совсем чепуха получится.

В а л е р и к. Если ее долго не будет, я вас провожу домой. Вы далеко живете?

Н и н к а (торопливо). Да! Далеко! Спасибо! Нет, я подожду Жанну.

Они удаляются.

П р о д а в щ и ц а ц в е т о в (продавцу шаров, который распродал свой товар и считает выручку). Не могу я на этих девчонок смотреть! Так вот наблюдаешь - сколько их мучается!

Продавец шаров сосредоточенно рассовывает деньги по карманам.

Он ей говорит: "Неужели не все сказано", а она его умоляет - "еще пару слов". Поможет твоя пара слов, как мертвому припарки. Несчастные дуры. Ведь она чего за ним бегаёт? Ей хочется с ним гнездо вить. Поскольку природа ее сделала женщиной - ей надо вить гнездо.

П р о д а в е ц ш а р о в. У него на вывеске всеми буквами написано, что с ним гнезда не совьешь. Просто есть девицы, которые много себе позволяют. (Уходит.)

П р о д а в щ и ц а ц в е т о в (скороговоркой ему вслед, ей хочется поговорить и не кем). Эх, скажу я вам, кроме разных соображений есть еще девичья любовь, увлечение, куда ж вы это денете! А мы себе в молодости не позволяли? Еще как позволяли! (Одна.) Как люди свою молодость скоро забывают!

Проходят Нинка и Валерик.

В а л е р и к. Он мировой парень. Зверски способный. Думающий. Зря ваша эта Жанна его мучает. Вы бы ей сказали.

Н и н к а. Вы думаете - она о нем плохо отзывается? Она о нем очень хорошо отзывается. Что он талантливый...

В а л е р и к. Тем более - зачем мучить? Талант надо щадить, оберегать.

Н и н к а. Она себя мучает в тысячу раз больше.

В а л е р и к. Есть же, ей-богу, люди, которые из самых прекрасных вещей способны сделать каторгу. Деточка! Любовь должна быть радостью, нежностью, сиянием, музыкой... праздником, балом! - или пусть ее совсем не будет. А в принудительном порядке - ну, знаете!

Н и н к а (робко). Я тоже считаю, что любовь должна быть праздником, но разве не бывает в жизни, что...

Прошли.

Сцена заполняется танцующими. Громче музыка. Бродят и скрещиваются разноцветные прожектора. Время от времени через сцену проходят Нинка и Валерик.

В а л е р и к. Я люблю Ленинград! Я одно время жил на Сахалине, и забавно - ни разу мне Сахалин не приснился, пока я там жил. Всегда снился Ленинград.

Н и н к а. Вот, должно быть, и мне будет сниться.

В а л е р и к. Хорош красавец, ничего не скажешь. Где еще у нас такие архитектурные ансамбли? А набережные, а эти драгоценные решетки... с копиями, лилиями, русалками...

Н и н к а. Где русалки?

В а л е р и к. На Литейном мосту.

Н и н к а. Что вы говорите, я не заметила.

В а л е р и к. А где еще такие белые ночи? Посмотрите на это небо! А где еще бывают проводы белых ночей?

Н и н к а (поражена словно чудом). Вы подумайте, я только что, ну вот только что - это самое, ну в точности то же самое сказала Жанне!

В а л е р и к (снисходительно). Да?

Прошли и возвращаются снова.

Н и н к а. А вы бываете в филармонии?

В а л е р и к. В филармонии? Ну как же, конечно. Конечно, бываю в филармонии.

Н и н к а (смущена). Что вы смотрите?..

В а л е р и к. Смотрю - какая вы тоненькая, горячая... как цветочек на стебельке. Вот так должен нарисовать вас художник: как вы идете, вся озаренная.

Н и н к а (слабо пытается отразить пугающие ее похвалы). Действительно, - нечего, что ли, им рисовать, художникам, что за меня возьмутся...

В а л е р и к. Пускай отложат все и рисуют тебя! Давай на "ты", хорошо?

Н и н к а (послушно). Хорошо.

В а л е р и к. Нарисуют, будь уверена. Я устрою. У меня знакомых художников полон Ленинград. Я тебя познакомлю.

Н и н к а. Я же утром уезжаю.

Прошли.

П р о д а в щ и ц а ц в е т о в (подошедшему к ларьку покупателю). Нет, вы посмотрите, что делается! Что делается!

П о к у п а т е л ь (оглядывается). Что делается?

П р о д а в щ и ц а ц в е т о в. Прямо хоть криком кричи. Они уже на "ты", понимаете?

Нинка и Валерик вернулись.

В а л е р и к. Куда-нибудь, где нет толкотни. Куда-нибудь под Рошино, например. Или можно в Ушково, там у одного нашего парня дача, родители уехали, он полным хозяином. Волшебный можно провести денек.

Н и н к а. Но я же утром уезжаю! Вы все время забываете.

В а л е р и к. Деточка, не порти мне настроение, брось эти выдумки.

Н и н к а. Какие выдумки? Сегодня утром, в Рудный.

В а л е р и к. Ну-ну, брось.

Н и н к а. Я же вам сто раз сказала!

В а л е р и к. Нет, в самом деле?

Н и н к а. Конечно.

В а л е р и к. Зачем же мы тогда друг друга узнали, а? Скажи. Ты не знаешь, зачем? Ужасно странно, а?.. Значит - все? Не встретимся больше?

Н и н к а. Вы разве хотите?

В а л е р и к. А ты не знаешь? Нет, ты скажи, - ты не почувствовала? Тебе слова нужны, да? Слова?.. Слушай, поедem в Ушково!

Прошли и вернулись. Держатся за руки.

Н и н к а. Вы же сами сказали: все ждут, правда? Я напишу вам из Рудного, хорошо? Пришлю адрес... И вы мне напишете, хорошо?

В а л е р и к (показывает на небо). Вот и утро.

Заря розовеет.

Н и н к а. Да. Утро. (Взглянула на ручные часы, завела их привычным движением.) Подарите мне на память какой-нибудь цветок.

Подошли к цветочному ларьку.

В а л е р и к. Выбирай. Какой хочешь?

П р о д а в щ и ц а ц в е т о в. Возьмите вот свеженький букет, молодой человек.

Н и н к а. Нет, нет! Один цветок! (Взяла из кувшина.) Вот этот... Спасибо. Вложу в книгу, он засушится. Увезу с собой на память... о проводах белых ночей.

Прошли. Входит Ж а н н а.

Ж а н н а (зовет). Нинка!

Ее окружили танцующие. Затертая среди них, озираясь, медленно проходит Жанна через сцену, выкликая беспомощно: "Нинка! Ты где? Нинка! Нинка!.."

2

Н и н к а ждет в проходной завода. Она то ходит - мечется по обширной проходной, то останавливается, делая вид, что читает газету на стене. Стучится в окошечко дежурного.

Н и н к а. Василий Иванович! Это я... Будьте добры, позвоните еще разочек.

Д е ж у р н ы й. Я вам сказал - он выйдет.

Н и н к а. Да где ж он? Скоро перерыв кончится.

Д е ж у р н ы й. Говорил с ним лично, он пообещал, будет ему послабодней - выйдет.

Н и н к а. Василий Иванович, ну пожалуйста, позвоните еще! Последний раз!

Д е ж у р н ы й. Сказал - выйдет. Вот, ей-богу. Дома не наговорились? (Звонит по телефону.) Механический? Веретенников там далеко? Напомните ему - сестра дожидается. Да, та самая... (Нинке.) Нету его. Обедает.

Но она уже увидела входящего К о с т ю и бросилась к нему.

Н и н к а. Косточка! В чем дело, я не понимаю.

К о с т я. А что такое?

Н и н к а. Они со мной даже разговаривать не хотят. Даже не дали разового пропуска в цех.

К о с т я. Правильно, какой пропуск? Ты здесь не работаешь.

Н и н к а. Но я же работала!

К о с т я. Но в данное время не работаешь. Зачем пропуск? Что тебе делать в цехе?

Н и н к а. Я хотела повидать... поговорить с ребятами. С бригадиром...

К о с т я. О чем поговорить?

Н и н к а. Чтобы меня оформили обратно... Чтобы мне вернуться на работу.

К о с т я. Оформляет отдел кадров.

Н и н к а. Они говорят - набора нет, все укомплектовано.

К о с т я. Наверно, так. Кого-то ведь взяли на твое место, когда ты собралась уезжать.

Н и н к а. Лизу Коничеву взяли.

К о с т я. Так что же, прикажешь теперь уволить Лизу Коничеву?

Н и н к а. Лиза Коничева согласна вернуться опять на конвейер. Она сказала.

К о с т я. Но на Лизином месте на конвейере тоже поставлен другой человек! Ты что - маленькая, не смыслишь? Тебе же сказали - все укомплектовано. Ты будешь прыгать туда-сюда, а людей гонять из-за твоих фокусов?

Н и н к а. Косточка, это не фокусы, вот чем хочешь тебе клянусь!

К о с т я. Не хочу слушать! Иди объясняйся в комитет комсомола.

Н и н к а. Я ходила... Костя, ведь я же неплохо работала, даже в многотиражке писали... А они даже не хотят разговаривать!

Через проходную проходят рабочие.

К о с т я. Пошли на улицу.

Они вышли в сквер перед заводом. Огромный щит висит над сквером, на щите портреты - молодые лица, над ними надпись: "Они поехали на новостройки коммунизма". Один из портретов снят, черный квадрат зияет на его месте.

А ты рассчитывала, что можешь безнаказанно проделывать такие штуки? Что тебя, после всего, примут с распростертыми объятиями?

Н и н к а. Ничего я не рассчитывала.

К о с т я. Хорошенькое дело - дать обязательство и сбежать. Тебе это игрушки?

Н и н к а. Косточка, я знаю, это ужас, ужас, что я сделала! Просто невыносимо думать!

К о с т я. Теперь невыносимо? А тогда почему не подумала?

Н и н к а. А что я могла сделать? Если бы ты полюбил очень сильно, ты бы поверил, что я ничего не могла сделать! (Схватившись за голову.) Как я только не умерла в тот час, когда уходил эшелон!

К о с т я. Когда уходил эшелон... Я приволок твои вещи на вокзал. Загулялась, думаю; примчится из Це-пе-ка-о прямо к поезду. Все глаза проглядел - ждал. И не один я... Ребята ходили звонить в милицию - решили, несчастный случай. А я ничего даже не слышал, не видел, что делалось... Поезд ушел - я все стою, как идиот, на перроне. Ребята уговорили - едем домой, может, она там... Где мы не были! По всем больницам ездили. С милицией разругались, что плохо работает - не знает, куда ты девалась... Пока не пришло твое письмо из этого, из Ушкова. (Долго закуривает.) Не в том дело, что о тебе писали в многотиражке, и не в том дело, что была ты на этой доске, а в том дело, что была перед тобой жизнь ясная и прямая... а сейчас и не разберешь, что ты с собой наделала.

Н и н к а (печально и кротко). Я догадалась, что здесь был мой портрет.

К о с т я. Нетрудно догадаться.

Н и н к а. Почему ты не приходишь домой? Я пришла, Катерина Ивановна говорит - он в общежитии ночует, только за бельем заходил. Катерина Ивановна говорит - я тебя выжила.

К о с т я. Я приду... когда мне будет не так неприятно видеть тебя... находиться с тобой в одной комнате.

Н и н к а (вдруг посветлев). Вот разница между тобой и Валериком: Валерик рад, что я не поехала. А ты сердилась - родной брат! (Счастливо улыбнулась.) И опять разница между тобой и Валериком: Валерику на меня смотреть приятно.

К о с т я. Я ничего не желаю слышать об этом прохвосте!

Н и н к а. Почему он прохвост?

К о с т я. Шпана!

Н и н к а. Что ты о нем знаешь, чтобы так называть его?!

К о с т я. Потому что хороший парень не будет так сбивать с пути другого человека, как он тебя сбил!

Н и н к а. Он полюбил меня. Он захотел, чтобы я была с ним. Почему это нехорошо?

К о с т я. Когда он успел полюбить? С первого взгляда?

Н и н к а. Разве не бывает с первого взгляда? Ах, ты смеешься! Зачем ты смеешься? Мало понимаешь в этих вещах, вот и смеешься. Если бы ты его видел! Даже не верится, что такой, такой - и полюбил - меня... И что еще удивительно: он высококультурный, а я ведь не очень культурная, я среднекультурная, я считаю, - но сколько у нас, ты бы знал, общих интересов, и вкусов, и мыслей, и слов...

К о с т я. Ну и ехал бы вслед за тобой, на здоровье, а зачем же твою жизнь ломать, это любовь называется?

Н и н к а. Как же он поедет, если он здесь на работу устраивается? Он будет работать в редакции "Смены" Он любит Ленинград. Что, у него нет права жить в Ленинграде?

К о с т я. Пускай пожертвует Ленинградом, когда такое дело. Если человек любит, он связывает свою жизнь с жизнью другого человека. Сплошь и рядом чем-то жертвуя, да. Так я привык считать.

Н и н к а. Я тоже так привыкла считать. Но почему ты ставишь вопрос однобоко? А моя судьба - не привязана к его судьбе? Я не должна, что ли, быть с ним, когда он этого хочет и я хочу?

К о с т я. Ты мне скажи: ты замуж за него выходишь? Он тебе это предлагал или так обойдетесь?

Н и н к а. Просто у нас еще не было об этом разговора. Мы поженимся. Не волнуйся.

К о с т я. В голове не укладывается... Это ты или не ты? Какая была... как стеклышко чистая! Как к тебе люди относились, - а ты, оказывается, вот что такое! Под спудом где-то, значит, таилось - и вот оно, обнаружилось... Любовь! Какая к черту любовь! Познакомились, станцевали там что-то в обнимку...

Н и н к а. Мы не танцевали!

К о с т я. ...и вот вам любовь. И все пустить по ветру - честь, долг... Что ты о нем знаешь? Тебе есть за что его уважать? Распущенность это, а не любовь!

Н и н к а. Ты все это говоришь напрасно. Это неправда. Я не обижаюсь: ты за меня переживаешь, потому и говоришь. Познакомишься с Валериком и увидишь, что нечего тебе переживать. Где угодно я могу сказать о нашей любви и буду гордиться.

Костя делает движение уйти.

Постой! Костя! Значит, ты считаешь - меня не примут обратно на завод?

К о с т я. Смеешься? Я первый буду против.

Н и н к а. Что же мне делать?

К о с т я. Найдешь какую-нибудь работу.

Н и н к а. Мне хочется на наш завод!

К о с т я. Тебя кто-нибудь за язык тянул, когда ты давала обязательство? Кто-нибудь тебя специально агитировал? Я уговаривал подумай хорошенько! Обдумай все! Не торопись! Нет, выскочила, целую речь на собрании сказала... как та синица, что хвалилась море сжечь. Так было или не так?

Н и н к а (тихо). Я не хвалилась. Я искренно... Но ведь, Косточка, что-то в жизни меняется, и планы у человека меняются...

К о с т я. Планы могут меняться. Но изменить человек не имеет права. И нам не нужны дезертиры.

Н и н к а. Никогда! Ни к кому ты не был таким безжалостным! А я ведь сестра тебе!

К о с т я. Да? Ты считаешь, мне легче, когда нашу фамилию склоняют по всему заводу?

Н и н к а (опять схватывается за голову). Не говори!

К о с т я. Ты вот тут мне вкручивала разное. А ведь нет, чтоб подумать - как это загладить.

Н и н к а. Косточка, я что хочешь сделаю, ты скажи - что!

К о с т я. В два счета все можно исправить. Побеседуют с тобой по душам, и утрясется. Мало чего бывает: заболела, не могла выехать со всеми... Укладывай чемодан, хватит валять дурака.

Н и н к а. Это - чтоб я ехала?

К о с т я. А как иначе?

Н и н к а. Но мне нельзя. Я ведь тебе объяснила. Я хочу обратно на завод. Сначала, конечно, ужасно будет трудно: будут возмущаться, спрашивать... Но это недолго. Вот увидишь, недолго. Люди не злые, и у каждого своих забот хватает, не станут они долго сердиться. Поймут, что я не трудностей побоялась или там чего-то; что просто мне никак, ну никак не уехать... от счастья.

К о с т я. Твое так называемое счастье - для тебя единственно важное. Выше нашей цели, выше всего, чем живет народ.

Н и н к а. Что ты! Зачем ты это ставишь рядом! Наша цель такая громадная, - а мое счастье даже не заметно никому. Я постараюсь как можно, как можно лучше работать! - чтобы вы скорей забыли... Мне не хочется на другой завод... Косточка! Здесь я всех знаю, и так мне было легко со всеми. Пускай здесь на меня и посердятся, ничего не поделаешь, заработала... Помоги мне вернуться! Я согласна хоть не на станок, я согласна разнорабочей...

К о с т я. Чего ради мы будем принимать людей, которых мы же сами исключили из комсомола?

Н и н к а. Меня исключили из комсомола?

К о с т я. В ближайшие дни исключим, если не одумаешься. (Уходит.)

Н и н к а. Костя! Подожди! Костя! Ну подумай, как же я могу...

3

Сентябрь, вечер, туман. Ленинградские улицы: скрещение Невского и канала Грибоедова. Огни светофора сквозь туман. Давно кончились белые ночи.

Вдоль канала идет В а л е р и к. Его окликает М а х р о в ы й: "Валерочка!"

Валерик вздрогнул. Приостановился было, но сейчас же сделал вид, что не слышал, что торопится, что крайне чем-то озабочен... Тихо, без суеты Махровый преграждает ему дорогу: "Здравствуй, Валерочка!"

Валерик останавливается. "А! - говорит он приветливо, словно не удирал только что от Махрового, как заяц. - Добрый вечер". - И пожимает Махровому руку.

Махровый обладает счастливой наружностью, внушающей людям доверие и симпатию. На его худощавом, правильном, уже немолодом лице с мужественными морщинами вдоль щек - выражение открытости и спокойствия. У него такая выправка, будто он всю жизнь занимался главным образом тем, что воевал; будто дисциплина и организованность вошли ему в плоть и кровь. Эта выправка подчеркнута костюмом: на Махровом высокие ладные сапоги и серый, аккуратно застегнутый плащ. Голова ничем не покрыта. У него приятный, мягкий и в то же время мужественный баритон. Он добродушен, Махровый, что бы он ни говорил, добродушное спокойствие ему не изменяет. И зорко поблескивают холодные, ко всему готовые глаза.

М а х р о в ы й. Куда бежишь, Валерочка?

В а л е р и к. Да по делу тут одному.

М а х р о в ы й. Да ну? По делу? И как, в гору идут делишки?

В а л е р и к. Да так себе...

М а х р о в ы й. Я тебя поздравляю.

В а л е р и к. С чем это?

М а х р о в ы й. Статью твою читал в "Смене". Твоя ведь была статья?

В а л е р и к. Моя, увы.

М а х р о в ы й. Почему же увы? Нормальная статья. Бывают лучше ну, впоследствии достигнешь... Ты что, постоянно там устроился? В штате?

В а л е р и к. Да нет еще пока...

М а х р о в ы й. Как вообще жизнь молодая?..

В а л е р и к. Понемножку.

М а х р о в ы й. Течет?

В а л е р и к. Течет.

М а х р о в ы й. Упиваешься блаженством после Сахалина?

В а л е р и к. Ну, насчет того, чтобы упиваться блаженством...

М а х р о в ы й. А что? Я бы с твоими данными только и делал, что упивался блаженством.

В а л е р и к. Чтобы упиваться блаженством, Алексей Аркадьич, кроме этих данных нужны еще другие данные.

М а х р о в ы й. Это какие же?

В а л е р и к. Ну, как будто вы не знаете.

М а х р о в ы й. Деньги, что ли? Да ну? Это материализм. Это даже, по-моему, называется - вульгарный материализм?

В а л е р и к (его слегка передернуло). Не слышал, чтобы это так называлось.

М а х р о в ы й (не обратил внимания на его слова). С чего это ты такой вульгарный материалист? В твоём возрасте ещё рано. В твоём возрасте я был, как говорится, гол и бос, и морда не такая была, как у тебя, и тем не менее, однако, неплохо проводил время... Да, гол и бос, ни туфелек таких, ни плащика, ничего не было... (Щупает плащ на Валерике.) Где достал?

В а л е р и к (небрежно). Не помню, кто-то из ребят купил у иностранца, уступил мне.

М а х р о в ы й. Фе-ер-ге. Западная Германия.

В а л е р и к. Возможно.

М а х р о в ы й. Фе-ер-ге, точно. А сколько дал, не помнишь?

В а л е р и к. Ерунду какую-то...

М а х р о в ы й. Оно все ерунда. Туда ерунда, сюда ерунда, а рублишек расшвыриваешь порядочно, а, Валерочка? Прожиточный-то минимум твой - на культурном уровне все же?

В а л е р и к. Алексей Аркадьич, я вам буквально завтра-послезавтра, скорей всего даже завтра, вы не беспокойтесь...

М а х р о в ы й. Это ты о чем?

В а л е р и к. Отдам вам еще часть долга.

М а х р о в ы й. Верно, ты же мне должен что-то, я и забыл. Где-то у меня и расписка твоя лежит, верно?

В а л е р и к (нервно). Очевидно, где-то лежит.

М а х р о в ы й. Да-да-да. Должна где-то лежать.

В а л е р и к. Я вам уже два раза вносил. Вы... помните?

М а х р о в ы й. Да-да-да. Вспоминаю. Только не помню, какие суммы. Незначительные как будто были суммы?

В а л е р и к. Алексей Аркадьич, в этот раз я постараюсь...

М а х р о в ы й. Ты отмечай где-нибудь, сколько вносишь. На мою память особенно не полагайся. Дырявая стала память: вот знаю ведь, что где-то должна быть твоя расписка, а где - хоть убей... А в общем пустяки, Валерочка. Пускай это тебя не беспокоит. Я могу подождать. Это ведь не бюджетные мои деньги. Это - я тебе говорил, кажется, - жена в прошлом году домик продала.

В а л е р и к. Да, вы говорили...

М а х р о в ы й (словоохотливо). От тестя в наследство домик остался в Орлине - так, незavidный, хибарка просто. Думали мы, думали - оно бы и неплохо в летнее время в сельской местности свой домик; но - и от Ленинграда все же далековато, - далековато, верно?

В а л е р и к. Далекое.

М а х р о в ы й. И от железной дороги не близко, - и решили продать... на твое счастье.

В а л е р и к. Алексей Аркадьич, я чувствую себя отвратительно, что я...

М а х р о в ы й. А ты не чувствуй себя отвратительно. Ты чувствуй себя как следует. Как следует. Человек человеку должен помогать, верно? На том свет стоит. Все равно мы другого домика не присмотрели, так что я уж и остаток этих дачных деньжат, откровенно говоря, спустил - посмотри, какую оторвал штучку.

Он вынимает левую руку из кармана и протягивает перед собой, и в свете фонаря с руки срывается, как огонь, сверкание крупного брильянта.

Видал когда-нибудь такое, Валерочка?

В а л е р и к. Это что, настоящее?

М а х р о в ы й. А ты думал? Это не то что те побрякушки, что девчата носят. Печатает по Невскому среди бела дня в босоножках, в ситчике, а на шее брильянтовое кольцо, понимаешь... стоимостью в пятнадцать рублей. Это колечко настоящее, старина-матушка, камушек четыре карата, чистейшей воды.

В а л е р и к. Я в этом совсем не разбираюсь.

М а х р о в ы й. Да, твое поколение не разбирается. Но уж поверь мне, что это вещь.

В а л е р и к. И сколько же это может стоить?

М а х р о в ы й. Видишь, цены на подобные штучки в наше время, в нашем государстве - условные. Колеблются в зависимости от многообразных причин. Я заплатил дешево... сравнительно с валютной ценностью. Большие-то деньги у меня откуда?

Идет прохожий. Махровый опустил руку в карман и ждет, пока прохожий отойдет подальше.

Подвернулось случайно, по средствам, - а, говорю жене, была не была! Что у нас там на книжке, - двинем на хорошую вещь. (Опять вынул руку из кармана, полюбовался кольцом.) А насчет долга не спеши, экстренности нет. Даже могу еще немножко подкинуть, если у тебя это самое...

В а л е р и к. Спасибо...

М а х р о в ы й. Сотняшки две-три.

В а л е р и к. Нет, сейчас мне...

М а х р о в ы й. Не нужно денег? Да ну? Неужели за статью так дорого заплатили?

В а л е р и к. Я бы все-таки предпочел...

М а х р о в ы й. Все как ты хочешь, Валерочка.

В а л е р и к. Я бы предпочел поскорей расплатиться с долгом.

М а х р о в ы й. Давай так. Тоже неплохо.

В а л е р и к. Вы мне разрешите зайти завтра, самое позднее послезавтра...

М а х р о в ы й. Заходи, когда тебе удобно. Так хорош камушек?

В а л е р и к (напряженно). Хорош камушек.

М а х р о в ы й. Стоило хибарку променять на камушек?

В а л е р и к. Вероятно...

М а х р о в ы й. Ну, бывай! (Помахал на прощание рукой. Разошлись.)

Идут, разговаривая, Г е р м а н и Р э м.

Р э м. Ты прав, безусловно.

Г е р м а н. П-понимаешь: там я сразу - личность. А здесь минимум до тридцати лет буду ходить хвостиком за каким-нибудь п-профессором.

Р э м. В нашем деле иначе нельзя.

Г е р м а н. Понимаю. А в нашем можно. И я хочу воспользоваться этой возможностью.

Р э м. Я за моим академиком буду ходить минимум до сорока, это в лучшем случае. И все, что я сделаю в лаборатории, будет приписано ему. Пока у меня не вырастет вот такая седая борода - только тогда поверят, что я тоже что-то могу самостоятельно.

Г е р м а н. В-видишь, у вас это так. Потому что вне института, без всей этой черт его знает какой головоломной техники тебе действительно никак. А мне что надо: маленькую больницу. Чтобы я мог ее п-поставить как мне хочется. Я еще на первом курсе спланировал, как я ее миленько поставлю. Кто мне в Ленинграде даст больницу? Именно - жди до седой бороды, да и то еще б-бабушка надвое гадала...

Р э м. Ты прав, прав! Будь у меня другая профессия - я бы тоже начинал отсюда... с окраины к центру!

Г е р м а н. Ты честолюбец, тебе непременно п-подавай центр, хотя бы к финишу. А мне не обязательно. Я просто считаю - если что-то делать в жизни, так делать без дураков, всерьез, иначе скучно. Кретин Валерик, что удрал с Сахалина. Черта с два он чего-нибудь стоящего добьется в Ленинграде. Здесь т-такими Валериками пруд пруди, а там его держали за высшую интеллигенцию.

Р э м. Ты говоришь, я честолюбец. Неужели лучше без честолюбия - как Валерик?

Г е р м а н. Нет, с-совсем без честолюбия - ничего не получится.

Р э м. Ничего не получится! (Прошли.)

Идут Н и н к а и Ж а н н а.

Н и н к а. Ничего не получится! Можешь не стараться!

Ж а н н а. Но я узнала точно.

Н и н к а. Очередная ваша клевета!

Ж а н н а. Увидишь.

Н и н к а. Он бы мне давно сказал.

Ж а н н а. Скажет он, как же.

Н и н к а. Вы все ненормальные.

Ж а н н а. Ты от правды отмахиваешься.

Они приостановились возле витрины Дома книги. На выступе оконной амбразуры сидит п р о д а в щ и ц а в е т о в с корзиной лохматых осенних астр.

Лучше обсудим давай, как тебе реагировать.

Н и н к а. Ненормальные. Непременно ищите в человеке плохое. Как можно больше плохого! Хорошее видеть не хотите, только плохое вам подавай! Как вы такие на свете живете? Вы же несчастные!

Ж а н н а. Я больше тебя знаю жизнь.

Н и н к а. Ты знаешь жизнь? Ты испугалась жизни! Один человек с тобой нехорошо поступил - ты сразу перепугалась. И все у тебя стали плохие. Это называется знать жизнь? Мне не надо такого знания! И оставь меня, пожалуйста!

Ж а н н а. Я тебя предупредила по-товарищески. Поскольку я узнала такую вещь, я чувствую ответственность...

Н и н к а. Я сама за себя отвечаю!

Ж а н н а. Ты стала чересчур гордая.

Н и н к а. За все отвечаю. И хватит. И дальше не ходи за мной. И вот что я тебе скажу на твои сплетни: мы с Валериком женимся! (Уходит. Остановилась в красном свете светофора.)

П р о д а в щ и ц а ц в е т о в. И всего-то он ей купил один цветочек.

Ж а н н а. Вы ее что, знаете?

П р о д а в щ и ц а ц в е т о в. Я и вас вспомнила. Вы шьете панамки.

Ж а н н а. Панамки мы уже все пошили. Миллион. Теперь шьем бюстгальтеры. С лямками и без. Она тоже. Она теперь работает у нас.

П р о д а в щ и ц а ц в е т о в. Всего, знаете, один цветочек купил. Она, правда, так и попросила: подарите мне, говорит, один цветочек.

На перекрестке зажегся зеленый глаз. Нинка ушла.

Она встречается с Валериком у колоннады Казанского собора. Нет никого вблизи, и она бросается Валерику на шею отчаянно и самозабвенно.

В а л е р и к (смущен этим взрывом). Ну-ну, Ниночка. Ну-ну-ну.

Н и н к а. Сто лет тебя не видела.

В а л е р и к. Деточка. Еще суток нет, как мы расстались.

Н и н к а. Меньше. Я с тобой рассталась только утром. Ты мне снился всю ночь.

В а л е р и к. Вот видишь. А говоришь - мы мало бываем вместе.

Н и н к а. Во сне - много.

В а л е р и к. Зачем такая горечь? Мы же видимся каждый день?

Н и н к а. Приблизительно.

Садятся на ступенях. Нинка прижимается к его плечу.

В а л е р и к. Странно все-таки.

Н и н к а. Что странно?

В а л е р и к. Когда человек так вот маниакально думает о другом человеке. Хочет с ним быть, видит его во сне...

Н и н к а. Как мы с тобой, да?

В а л е р и к. Странно! Почему, отчего, в чем смысл?

Н и н к а. В чем смысл? Не знаю. Но это хорошо. И хочется это сохранить... навсегда. Тебе тоже хочется сохранить навсегда?

В а л е р и к. А это бывает?

Н и н к а. Конечно. Сколько угодно.

В а л е р и к. Ты думаешь?

Н и н к а. Просто надо это беречь. Желать, чтобы это сохранилось... не разрушалось.

В а л е р и к. Если бы одних желаний было достаточно для свершения!

Н и н к а. Я не поняла, что ты сказал.

В а л е р и к. Я сказал: если бы достаточно было только захотеть чего-нибудь, чтобы это исполнилось, понимаешь? Как в сказке: "Столик, накройся" - и пожалуйста, перед тобой накрытый столик... пять звездочек, закуска, любовь до гроба...

Н и н к а. Ты шутишь. А я серьезно. Да, "столик, накройся". Почему же нет? Разве не все зависит от нас самих? И разве можно хотеть, чтобы это кончилось?

В а л е р и к. Ну не будем хотеть, не будем. (Обнимает ее крепче.) Не холодно тебе?

Н и н к а. Нет...

В а л е р и к. В этом плаще ты похожа на серебряную рыбку. Маленькая серебряная рыбка. Скажи, тебе удалось?..

Н и н к а. Я принесла. (Достаёт деньги.) Валерик, только тут немножко меньше, чем тебе нужно. Понимаешь, никак не могла достать больше. Тут моя получка, и в кассе взаимопомощи взяла.

В а л е р и к (бегло сосчитал бумажки). Не могла, говоришь? Ну... что ж делать. Откровенно говоря - это, конечно, мало устраивает. Надо бы отдать этому фрукту побольше. Как можно, как можно скорей с ним развязаться... Ну ничего. Не огорчайся. Сколько достала, столько достала. (Прячет деньги.) Спасибо. Ты моя отзывчивая рыбка. Я, конечно, переоценил твои возможности: откуда тебе, собственно?.. Попробую еще занять у Виктора, он должен был получить за съемки. Ну не расстраивайся! Если у Витьки есть, он меня выручит. Испытано и проверено. Вот если у него нет, тогда хуже. Так или иначе, завтра я этому жулику, этому хамлу хоть сколько-нибудь суну в глотку. (Встает.) Ну, куда пойдём? Хочешь в кино?

Н и н к а. Валерик. Ты не можешь мне сказать, что это за долг такой, что так тебя мучает?

В а л е р и к. Деточка! Я же просил - не спрашивай! Я осел. Сделал однажды колоссальную глупость, теперь выпутываюсь. Мне совестно рассказывать, так это глупо. Что всего гаже, прямо тошнит, - что эта бескультурная сволочь, ни в чем ни уха ни рыла, кроме своих махинаций, - и лезет, понимаешь ли, поучать, научные словечки вставляет. Вульгарный материализм... Идем в кино!

Н и н к а. Послушай. У меня серьезный разговор.

В а л е р и к. У тебя всегда серьезные разговоры.

Н и н к а. Правда, очень серьезный. Я ни разу не ставила этот вопрос. Но теперь я должна его поставить. Обязана.

В а л е р и к. Непременно сейчас должна? Сию минуту?

Н и н к а. Я больше не могу откладывать.

В а л е р и к. Что за вопрос?

Н и н к а. Когда мы поженимся?

В а л е р и к. Что от этого изменится?

Н и н к а. Мы будем - муж и жена...

В а л е р и к. Ты меня заставляешь говорить о пошлых вещах. Зачем ты меня заставляешь говорить об этих вещах? Ни у тебя, ни у меня нет даже своей комнаты.

Н и н к а. У меня есть.

В а л е р и к. Да, общая, твоя и брата! Такая и у меня есть: моя и мамина.

Н и н к а. У вас же, ты говорил, разгороженная?

В а л е р и к. Слава богу! Разгороженная! Ты бы видела! Повернуться негде!

Н и н к а. Если я попрошу, Костя перейдет в общежитие. Я знаю. Он это сделает. Он на меня смотреть не хочет - только потому, что он за меня беспокоится. Когда наша мама умерла в блокаду и нас по детским домам разобрали, он два раза из своего детдома убежал, чтобы меня повидать. Шел пешком через весь Ленинград - голодный, маленький, представляешь, - чтобы убедиться, что я жива. Он сейчас так беспокоится, что просто из себя выходит. Стоит мне сказать, что я вышла замуж, - уйдет сейчас же.

В а л е р и к. Тебе мало живого, свободного чувства, ты хочешь его запихать в клетку, привязать узлами.

Н и н к а. Мне это было не так уж важно. Я ждала, когда ты сам заговоришь.

В а л е р и к. А сейчас что - стало важно?

Н и н к а. Сейчас это необходимо.

В а л е р и к. Почему необходимо?

Н и н к а. Потому что у нас будет ребенок.

В а л е р и к. Боже мой. Как будто это неизбежность.

Н и н к а. Какой ты мальчик. Ясно - неизбежность.

В а л е р и к. Извини, но тысячи женщин от этого избавляются.

Н и н к а. Это их дело.

В а л е р и к. Деточка. Мне за тебя, честное слово, страшно. Ты хочешь натворить что-то безумное. Зачем это, помилуй! Пожалей себя!

Н и н к а. По-моему, ничего не безумное, наоборот - очень даже правильное.

В а л е р и к. Ты не соображаешь, что ты затеяла. Ужасно! Рыбка! Что ты с собой делаешь? Вместо того чтобы стараться сделать жизнь приятной себе же в первую очередь! - ты нагромождаешь трудности, проблемы...

Н и н к а. Что я затеяла? Что тут необыкновенного? Выйти замуж, иметь ребенка?

В а л е р и к. Я не хотел тебя огорчать. Но ты вынуждаешь... Деточка, я ни на ком не могу жениться. Я женат, уже женат, давно женат. И жена не даст мне развода.

Н и н к а. Ты женат?

В а л е р и к. Вот, представь.

Н и н к а. Ты правда женат?

В а л е р и к. Могу предъявить отметку в паспорте.

Н и н к а. Мне говорили. Но я не верила.

В а л е р и к. Почему не верила? (Пародируя.) Что тут необыкновенного?

Н и н к а. Почему ты раньше не сказал?

В а л е р и к. А ты спрашивала?

Н и н к а. Я была уверена, что ты бы сказал. Ты боялся, что я от тебя откажусь, да?

В а л е р и к. Я же говорю: не хотел причинять тебе боль.

Н и н к а. И она не дает развода? Ты просил ее, да?

В а л е р и к. В общем, она когда вдруг исчезла ни с того ни с сего...

Н и н к а. Она тебя бросила?

В а л е р и к. Она меня бросила. Была тихая девочка, вроде тебя, и вдруг проявила инициативу. Оставила записку, и, между прочим, написала, чтоб я на развод не рассчитывал.

Н и н к а. Почему же, раз она ушла сама?

В а л е р и к. Не знаю, у нее это сложно. Вообще трудный была человек. Тихая, тихая, а характер - железо.

Н и н к а. У вас был ребенок?

В а л е р и к. Ну что ты.

Н и н к а. Если ты захочешь развестись, то ведь, кажется, можно без ее согласия?

В а л е р и к. Нет, на это я не пойду, знаешь. Тащить наши с ней отношения в суд - без ее согласия... Я не могу так поступить с женщиной.

Н и н к а. Где она теперь?

В а л е р и к. Скорей всего в экспедиции. Она геодезист, или топограф, или что-то в этом роде, не скажу точно. Всегда в разъездах. Даже завидно, до чего приспособленный к жизни человек.

Н и н к а. Как называется учреждение, где она работает?

В а л е р и к. Откуда мне знать? Уже три года, как мы расстались.

Н и н к а. Такими молодыми поженились?

В а л е р и к. Молодость, глупость...

Н и н к а. Как ее зовут?

В а л е р и к. Кира.

Н и н к а. Она красивая?

В а л е р и к. Не знаю, как теперь. Была - чудная девочка.

Н и н к а. Покажешь карточку?

В а л е р и к. Покажу как-нибудь, если тебе интересно.

Н и н к а. Ты ее любил больше, чем меня? Она была твоя первая любовь! (Вдруг заплакала.)

В а л е р и к. Нет! Больше я не согласен! Как угодно! Прошу тебя! Если это может тебя утешить, - не была она моей первой любовью, не была, слышишь? Ни первой, ни последней. Ну, хватит, рыбка, хватит! (Вытирает ей глаза.)

Н и н к а. Не сердись. Я уже не плачу.

В а л е р и к. И не о чем. Абсолютно! Все это такие условности. Дурацкие слова, стыдно произносить. Женат, не женат, чепуха же это. Вставай-ка, пошли где теплой. Успеем на последний сеанс.

Н и н к а. Валерик, только у меня нет денег на билеты.

В а л е р и к. Как, у тебя ничего не осталось?

Н и н к а. Я думала занять у Жанны, а потом мы с ней поспорили по одному вопросу, я не захотела у нее занимать.

В а л е р и к (великодушно). Да ладно, есть же деньги. Я возьму билеты.

Идут.

Все-таки нельзя же тебе совсем без копейки, а?

Н и н к а. Я достану. Может быть, дадут еще немножко в кассе взаимопомощи.

В а л е р и к. А если не дадут?

Н и н к а. Вообще-то могут и не дать.

В а л е р и к. А у брата?..

Н и н к а. У Кости - нет.

В а л е р и к. Что ж, он не выручит сестренку?

Н и н к а. Он спросит, - а где твоя получка.

В а л е р и к. Знаешь, возьми себе из этих денег, а?

Н и н к а. А ты? Тебе и так не хватает.

В а л е р и к. Ну, немного. Ну двадцать пять рублей возьми. Нет, бери! Бери, бери, слышишь!

Н и н к а (берет). Спасибо, Валерик.

В а л е р и к. Главное, запомни: жить надо легче. Сегодня не хватает, завтра хватает. Сегодня плохо, завтра хорошо. Послезавтра, может быть, опять плохо, - и так все время: вверх, вниз. Качели! Качайся и не унывай. Абсолютное идиотство, в сущности. Так стоит слезы тратить, ну скажи мне?

Уходят.

4

Уголок кафе. Утро. О ф и ц и а н т к а убирает на столике. За соседний столик садится К и р а.

К и р а. Накормите, девушка?

О ф и ц и а н т к а. А, кого я вижу. Да уж придется накормить. С приездом.

К и р а. Здравствуйте.

О ф и ц и а н т к а. Давно вас не было видно.

К и р а. Почти восемь месяцев.

О ф и ц и а н т к а (подает карточку). Где побывали, опять на юге?

К и р а. На этот раз на востоке.

О ф и ц и а н т к а. А загорели - вроде из Сочи приехали.

К и р а. Там, где я была, солнце жарче, чем в Сочи.

О ф и ц и а н т к а. Это какое место?

К и р а. Возле Темир-Тау. Казахстан.

О ф и ц и а н т к а. Тоже какое-нибудь грандиозное строительство?

К и р а. Металлургический комбинат. Самые большие домны в Советском Союзе.

О ф и ц и а н т к а. Меня один старший лейтенант звал в Казахстан.

К и р а. Что ж не поехали?

О ф и ц и а н т к а. Думаете - мне бы там понравилось?

К и р а. И вам бы там понравилось, и вы бы там понравились.

О ф и ц и а н т к а. Думаете? Но мне не особенно понравился этот старший лейтенант.

К и р а. Ах, так.

О ф и ц и а н т к а. Уж очень легкомысленно: что такое, раза два всего зашел к нам покушать, и сразу - будьте моей женой. Я признаю только проверенное чувство. Надо присмотреться, узнать... а не высказывать за первого встречного. В старину говорили, что пуд соли нужно съесть с человеком; это правильно! Конечно, сейчас другое время, старые люди во многом отстали от жизни, но кое к чему все-таки стоит прислушаться... Что кушать будем? Очень красиво загорели. Воображаю вас в летнем платье без рукавов.

К и р а. Да, это было неплохо. Будем кушать сосиски с горошком.
О ф и ц и а н т к а. Возьмите шницель. Сосиски сегодня жестковатые.
К и р а. Хорошо, пусть шницель. И омлет. И кофе.
О ф и ц и а н т к а. Что к кофе?
К и р а. Что-нибудь. По вашему выбору.
Оставшись одна, разворачивает журнал. К столику подходит Н и н к а.
Н и н к а. Здравствуйте. Мне нужно с вами поговорить.
К и р а. Вы не ошиблись, девушка? По-моему, мы незнакомы.
Н и н к а. Если вы жена Валерика, то я не ошиблась.
К и р а. Его до сих пор зовут Валерик?
Н и н к а. Конечно, а почему же...
К и р а. И он откликается?
Н и н к а. Я не понимаю.
К и р а. Валерик, Валерик. Мальчик, которого надо водить за ручку. Постареет, облысеет - а все будет Валерик, Валерочка.
Н и н к а (держась за спинку стула, тихо). Просто все его так зовут. Он не просит, чтобы его так звали.
К и р а. Человек получает имя, какое заработал.
Н и н к а. Разве это всегда так? Будьте справедливы: не всегда бывает так.
К и р а. В данном случае это так.
Н и н к а. Легче всего - обвинять.
К и р а. Он вас прислал? Что ему нужно?
Н и н к а. Он не прислал. Я сама вас искала. Он не хотел, чтобы я искала. Отговаривал.
К и р а. Сядьте, девушка. Тоже попала в эту паутину, бедная мушка.
Н и н к а. Вы шутите... Я считаю - об этих вещах надо говорить серьезными словами. И красивыми.
К и р а. Согласна. Безусловно: серьезными и красивыми. Только так! А если мальчики Валерики учат нас говорить несерьезно и некрасиво?
Н и н к а. Валерик говорит как поэт! Вы же знаете. Вы не могли забыть.
К и р а. Ну сядьте! Вы славный ребенок. Мне вас жаль. Совершенно серьезно жаль.
Н и н к а (села). Вообще не думаю, чтобы Валерик мог вас учить. Вы такая самостоятельная, с характером, - как он мог на вас влиять?
К и р а. Откуда вам известно, что я самостоятельная и с характером?
Н и н к а. От Валерика.
Является официантка с подносом.
К и р а. Еще один такой же завтрак, будьте добры.
Н и н к а. Для меня? Спасибо. Я не хочу есть.
К и р а. А может быть?..
Н и н к а. Спасибо, нет. Я завтракала.
К и р а. Тогда - кофе на двоих.
Официантка уходит.
А я хочу есть. Вы не обидитесь?.. (Ест с аппетитом.) И что же ему, Валерику, нравится моя самостоятельность или не нравится?
Н и н к а. Он вас очень уважает. Он завидует вам. Бывает ведь и хорошая зависть. Он не говорит, но ему конечно бы хотелось быть таким, как вы.
К и р а. За чем же дело стало? Что ему мешает?
Н и н к а. У него не хватает силы воли.
К и р а. Какая особенная нужна сила воли, чтобы найти себе занятие по душе, что это - подвиг, что ли?.. Почему он ничем не занимается?
Н и н к а. Занимается.
К и р а. Чем?
Н и н к а. Английским языком.

К и р а. Прекрасно. А еще?

Н и н к а. Вы думаете - ему работать не хочется?

К и р а. Почему он уехал с Сахалина?

Н и н к а. К нему там было неважное отношение.

К и р а. А что он сделал, чтоб хорошее было отношение?

Н и н к а. Он говорит - ничего не мог сделать. Ему очень трудно было в непривычной обстановке. И климат для него тяжелый, он говорит.

К и р а. Он говорит, он говорит... Слушайте! Три года назад я взяла и - рраз! - вычеркнула из моей жизни всю эту муть. Вышла из дому с таким вот чемоданчиком, в кармане рубль сорок копеек... Вздохнула вольно - и вы не поверите: так радостно, светло мне стало, что всего-навсего рубль сорок и что чемоданчик не весит ничего! Не верите.

Н и н к а. Верю.

К и р а. Вы это понимаете?

Н и н к а. Понимаю. Что ничего-ничего с собой не унесли. Что все впереди. Что все в ваших собственных руках.

К и р а. Как свести концы с концами: понимаете такое, и любите этого Валерку.

Н и н к а. Вы тоже его любили.

К и р а. Мне было двадцать лет.

Н и н к а. Мне двадцать лет.

К и р а. Мне было двадцать лет, когда я с этим уже разделалась.

Н и н к а. А я не хочу разделяться, только в этом между нами разница.

К и р а. Это большая получается разница, если вы не хотите разделаться. Не хотите выпутаться из паутины.

Н и н к а. Вы вышли от него налегке и обрадовались, что вам легко. А его вы бросили с тяжестью.

К и р а. Какая у него тяжесть?

Н и н к а. Какая тяжесть? А его неустройство? А что он ни к чему не умеет прилепиться душой?

К и р а. Ничего этого он не переживает. Вы за него переживаете, а он живет себе посвистывая, как ему нравится.

Н и н к а. Нет, нет! Он мучается! И ему еще страшно не везет. Он просто иной раз в отчаянии от своего невезенья. За что, говорит, ни возьмусь, ничего не получается, ну ничего! Почти совсем уже устроился в "Смену" внештатным сотрудником. И, понимаете, написал корреспонденцию, и кто-то там чего-то не проверил, что-то, в общем, получилось не так, и ему теперь больше не дают заданий... Обещал один товарищ устроить на работу, и куда же устроил - в кино администратором, разве может Валерик администратором... Хотел уж поступить корректором, было место, - взяли женщину, какую-то со стажем... Просто он неудачник.

К и р а. Отвратительно.

Н и н к а. Отвратительно?

К и р а. Слушайте, что может быть противнее, чем неудачник!

Н и н к а. Вы, значит, любите удачников.

К и р а. Деятельных людей люблю. Которые знают, чего хотят. И добиваются своего. А не плывут по течению, как щепки.

Н и н к а. Вы правы в том смысле, что Валерик действительно не очень знает, чего ему надо... То хотел в "Смену", а теперь хочет в "Интурист", а куда захочет дальше, я даже не знаю.

К и р а. Вы так говорите, будто это очень хорошо и для Валерика, и для общества.

Н и н к а. Нет, я согласна с вами, что это плохо и для Валерика, и для общества. Но в общем вы страшно неправы. Бесчеловечно неправы. Это ужасно!

К и р а. Что ужасно?

Н и н к а. Вы их вычеркиваете из жизни.

К и р а. Кого?

Н и н к а. Неудачников.

К и р а. Вычеркиваю? Я говорю, что лично я их терпеть не могу.

Н и н к а. Вычеркиваете. Прраз! - и готово... отвернулись и пошли своей дорогой... налегке! А кто вам дал право вычеркивать? Почему вы беретесь выносить приговоры? Вы сами разве совершенство, чтобы судить других?

К и р а. Вы, ребенок, кажется, хамить начинаете. Давайте будем взаимно вежливы.

Н и н к а. Я не признаю за вами права судить Валерика. Все ваши слова, все поступки - эгоизм, больше ничего. Вам хорошо, и вы довольны, и считаете, что вы замечательная.

К и р а. Он вам карточку мою показывал?

Н и н к а. Да.

К и р а. Похожа я?

Н и н к а. Вы, по-моему, очень повзрослели.

К и р а. Еще бы. Фотография старая. Я была дурочка, ничего не соображающая. С первого взгляда врезалась, и тоже мне казалось, что он о любви говорит, как Пушкин.

Н и н к а. Как вы могли его бросить!

К и р а. Вот тебе на. Человек оскорбляет вас на каждом шагу, врет, обманывает, разрушает вашу веру в людей, веру в чувство человеческое...

Н и н к а. А вы ей не позволяйте разрушаться. Будьте сильнее этого.

К и р а. Отравляет вас горечью. Заставляет с утра до вечера думать черт знает о чем. Делает вашу жизнь бесплодной, мелкой, презренной, никому, кроме вас, не нужной, и после этого упрекать женщину: ты его бросила, - нет, оставьте! Я больше не могла видеть его, слышать его, идти с ним куда-то, думать о нем, - ничего больше не могла!

Н и н к а. Вы, должно быть, к нему предъявляли очень большие требования.

К и р а. Я хотела жизни чистой и разумной. Это непосильные требования?

Н и н к а. А если человек не знает, если он еще не успел себе уяснить, что значит жить разумно?

К и р а. До какого же возраста человек себе это уясняет?

Н и н к а. Это же у всех по-разному. Иногда совсем уже старик, и то не знает, как надо жить. Почему вы со старого не спрашиваете, а с молодого спрашиваете?

К и р а. Его же учат, этого молодого! В университете учили, на хорошую работу послали, поле деятельности дали настоящее!.. Ничего не хочет понимать, болтается без толку, - да пусть пропадает в конце концов, кому он нужен, обойдется без него, противно только!

Н и н к а. Никому не нужен?

К и р а. Ничтожество!

Н и н к а. А если, например, война? Тогда не скажете - ничтожество, без тебя обойдется. Тогда скажете - иди, будь храбрый, умри за родину! Ведь родина-то у него есть, родину у него не отнимете, не можете отнять?! А раз есть у него родина - значит, он нужен родине! И ей не все равно, пропадет он или нет!.. Я вообще не могу понять, как это: чтобы человек такой красивый, такой прекрасный - такая молодая жизнь - только-только начинается, - ничтожество?! Никогда не поверю!

К и р а. По-вашему, я должна была нянькой сидеть около него?

Н и н к а. Как я могу учить, что вы должны, чего не должны? Не знаю!

К и р а. Слушайте. Что я вам расскажу. Вы ленинградка?

Н и н к а. Да.

К и р а. Куда выезжали из Ленинграда?

Н и н к а. В разные места. В Парголово. В Зеленогорск. В Петергоф...

К и р а. Это все пригородными поездами. Горы видела, ребенок? Степь видела?

Н и н к а. В кино.

К и р а. Вот слушай. Рано-рано утром выходишь из палатки - прямо в огромную-огромную степь... под огромное-огромное небо! Так и охватит тебя всю эта воля... Солнце на

краю неба. Ветер прилетел откуда-то из-за тридевяти земель... Встают люди в палатках, человеческие голоса звучат. И ты с этими людьми, не зря сюда пришла. Цель у тебя есть, место есть на земном шаре - не по благу место, по заслугам.

Н и н к а. Вы всегда где-то там. Я вас насилу дождалась.

К и р а. Да, большую часть года мы в экспедициях.

Н и н к а. Вы геолог?

К и р а. Изыскатель-топограф. Когда я ушла тогда... с чемоданчиком, налегке! - до того не захотелось в университет возвращаться! Захотелось, чтобы все по-другому! Куда-то ехать, видеть другие лица, существовать не на стипендию, а на зарплату, - словом, выйти из пригготовительного состояния, действовать. И чтобы зарплата была как следует, чтобы существовать, что называется, на высоте!

Н и н к а. Доказать.

К и р а. Доказать, если хочешь. Не кому-то, а себе доказать... Ну подготовилась. Мои два курса геологического помогли до некоторой степени. И хорошие люди помогли. Теперь я сама себе хозяйка и госпожа.

О ф и ц и а н т к а подает кофе.

Чего и тебе желаю. Давай кофе пить.

Официантка уходит.

А жена я была неплохая. Старалась на него плодотворно воздействовать... пока терпение не лопнуло. Ведь и я человек, как ты думаешь? И моя жизнь тогда только-только начиналась. Если он о моей жизни не беспокоился, должна же была хоть я сама побеспокоиться. И ты о себе побеспокойся, пока не поздно.

Н и н к а. А о нем кто побеспокоится?

К и р а. Не знаю, как сейчас, а в мое время - вполне достаточно было дур, которые только о нем и думали. Не пропадет, не волнуйся.

Н и н к а. Но это же совсем другое. Это, я думаю, не помогает человеку, а мешает. И как вы ничего ему не прощаете! Даже этих, как вы говорите, дур. Он же не виноват, если о нем думают. И они не виноваты. Идет по улице - изо всех выделяется... как же девочкам о нем не думать, они же не слепые... Я что-то хотела сказать. Да, вот что я хотела сказать: он не просто так занимается английским языком, от нечего делать, - он совершенствуется, чтобы поступить на курсы "Интуриста". Он будет гидом-переводчиком. Будет водить иностранцев по городу. Мне кажется, это интереснее, чем администратором в кино.

К и р а. Возможно, не знаю.

Н и н к а. Жаль - эта работа сезонная. Не на весь год.

К и р а. Ничего. Он больше одного сезона все равно не вытянет. Да еще и курсы одолеет ли.

Н и н к а. Вы на него совсем махнули рукой.

К и р а. Ему с детства внушили, что он - цветок жизни, что все блага будут ему поднесены в готовом виде, на блюдечке с голубой каемочкой. А вырос - говорят: то нужно, другое нужно, изволь трудиться, поезжай туда-то. А он не хочет! Он может только получать в готовом виде.

Н и н к а. А зачем ему внушили?

К и р а. Только тех будем винить, кто внушал? А своя-то голова должна быть на плечах?

Н и н к а. Вы сказали: постареет, облысеет... Я как-то подумала: а что, если он так-таки ничего для себя и не найдет? Для ума своего, для рук... Станет старым... и среди ночи вдруг проснется... как от разрыва бомбы: что же, спросит, получилось из моей жизни? И уже времени нет исправить... (Быстро.) Глупая моя фантазия. Все будет хорошо.

К и р а (хмурясь). Пей, ребенок. Остыло.

Н и н к а (глотнув из чашки). Почему вы не даете ему развода?

К и р а. А он не просит.

Н и н к а. А если попросит?

К и р а. Попросит, думаешь?

Н и н к а. Ну, если.

К и р а. А зачем разводиться?

Н и н к а. Вы написали, чтобы он не рассчитывал на развод, - просто назло ему, да?

К и р а. Чтобы других спасти от союза с ним. Акт женской солидарности. Вообразила по наивности, что это поможет.

Н и н к а. А сейчас?

К и р а. Сейчас - не воображаю.

Н и н к а. Значит, вы согласитесь на развод?

К и р а. Да к чему развод-то?

Н и н к а. Вам разве не тяжело, что вы связаны? С человеком, который вам не нужен.

К и р а. Я не чувствую себя связанной.

Н и н к а. А вдруг вы захотите выйти замуж.

К и р а. О, для этого много нужно, чтобы я опять захотела замуж.

Н и н к а. Ну, а вдруг.

К и р а. Тогда и будем говорить. А сейчас, по правде сказать, мне развод даже невыгоден. Женщина в моем положении чувствует себя уверенней, если может сказать: я замужняя.

О ф и ц и а н т к а (она возникала поблизости время от времени, прислушиваясь к разговору, и на этот раз не выдержала - вмешалась). Совершенно верно! По крайней мере, если ты улыбнулась на чью-нибудь шутку, он не будет воображать, что ты ему сию минуту повесишься на шею! И кое-кто подумает, прежде чем любезничать... когда ты не просишь, чтобы он любезничал! (Удаляется.)

Н и н к а. А если ему нужен развод?

К и р а. Для чего? Ну, для чего? На тебе жениться? Не женится. А женится, не дай бог - тебе же хуже. Сейчас у тебя хоть какие-то иллюзии... Вы с ним врозь? Под разными крышами?

Н и н к а. Да.

К и р а. И ты хочешь под одну?

Н и н к а. Я хочу, чтобы мы были - одно сердце. Одна жизнь.

К и р а. Там сердце - камень, лед.

Н и н к а. Неправда, неправда! Но если бы даже это была правда - вы разве не верите, что любовь может растопить лед? Вы никогда не будете счастливой, если не верите.

К и р а. Слушай. Вскоре после того, как мы поженились, ему понадобились деньги. Не хотел сказать, зачем. Твердил - очень нужно. Так метался, так искал этих денег, как в голод хлеба ищут. Я тогда тоже... хотела, чтоб одно сердце. Пошла, сдала кровь. Кровь, для больных, понимаешь? Принесла ему триста рублей. Вечером принес проигрыватель. Жаловался - на пластинки не хватило. Это тебе как?

Н и н к а. Он не посылал вас сдавать кровь. Вы это сами придумали. Здорово придумали. Мне в голову не приходило...

К и р а. Слушай. А когда я перестала быть для него предметом первой необходимости, - он стал меня знакомить с разными типами, своими приятелями. Нарочно знакомить. Ты понимаешь?! Чтобы самому быть посвободней. Ничего ты не понимаешь, бедная рыбка на удочке!

Н и н к а (просияла). Валерик меня тоже зовет - рыбка.

К и р а. А ну тебя. Не дам развод. Спасайся, пока жива. Ты ведь тоже можешь... как ты сказала, - вдруг проснуться, как от разрыва бомбы... Хочешь, в экспедицию устрою? Поедем с тобой далеко. На простор.

Н и н к а. Я никуда от него не уеду.

К и р а. Найдется другой: хороший, верный.

Н и н к а (встает). Он любит меня. Вы на него наговариваете разные ужасы... Он все время обо мне думает. Хочет быть со мной. Видит меня во сне... Он дарит мне цветы! Делится со мной последними деньгами! У нас будет ребенок.

К и р а (после молчания). Что ж. Пусть так. Пусть подает о разводе. Я подпишу, что там надо. Передай ему.

Н и н к а. Хорошо.

К и р а. Только потом не проклинай меня.

Н и н к а. Спасибо вам.

К и р а. Прощай. Как тебя зовут?

Н и н к а. Нина.

К и р а. Прощай, Нина.

Н и н к а. От нас обоих спасибо!

Она уходит. Приближается о ф и ц и а н т к а.

К и р а. Сколько с меня?

О ф и ц и а н т к а (подает счет). Славненькая девушка, и какая молоденькая, и уже любовные неполадки, извините, я краем уха слышала. И никто ее, бедняжечку, не предостерег.

К и р а (расплачивается). А, собственно, как предостеречь? Лекции читать насчет пуда соли?.. Стариковский опыт здесь не помогает.

О ф и ц и а н т к а. Да, что поделаешь. Каждая, волей-неволей, действует на свой страх и риск. Тянет свой лотерейный билет. Проходит курс самостоятельно. Кто же в таких случаях будет слушать стариков!

5

Звонит телефон. Кто-то терпеливо и настойчиво призывает кого-то. Потом звонок прекращается, и слышен недоумевающий голос Н и н к и: "Алё! Алё! Что такое? Алё!"

Нинка у себя в комнате. Стоит с трубкой возле уха, притворив дверь (аппарат за дверью, в передней), и выкликивает: "Да что такое? Алё!" - и дует в трубку.

В другой маленькой передней - тесной передней крошечной квартирке, построенной с помощью фанеры в недрах старого, доживающего свой век дома, - у телефонного аппарата В и к т о р и В а л е р и к. Сняв трубку и зажав ее рукой, Виктор спрашивает: "Ну, если она - что говорить?"

В а л е р и к (вполголоса). Скажи - дома нет.

Н и н к а (взывает). Алё! Алё!

В и к т о р (в трубку). Да.

Н и н к а (обрадовалась). Мне, будьте добры, пожалуйста, Валерика.

В и к т о р. Его нет дома.

Н и н к а. А когда он будет?

В и к т о р. Не могу вам сказать.

Н и н к а. Это не Витя?

В и к т о р. Витя.

Н и н к а. Здравствуйте, Витя. Это Нина говорит.

В и к т о р. Привет.

Н и н к а. Витя, а вы знаете, что сегодня день его рождения?

В и к т о р. Да, я вот зашел поздравить, а его нет. Я думал, он у вас.

Н и н к а (простодушно). Нет. У меня его нет.

В и к т о р. Думаю все же, что он пошел к вам.

Н и н к а. Почему вы думаете?

В и к т о р. Ну, а где ему быть? Я пришел - именинника нет, в доме никаких праздничных приготовлений... Матушка его нездорова... в лежачем состоянии... гриппует. Это она мне, собственно, сказала, что он, вероятней всего, к вам пошел.

Н и н к а. Он ей сказал, что будет у меня?

В и к т о р. Не то чтобы сказал определенно, но такое у нее предположение.

Н и н к а (в раздумье). Почему, интересно, она так решила... Витя, вы его будете ждать или уйдете?

В и к т о р. Да подожду немного, надо бы поздравить старика, я тут коньячку захватил...

Н и н к а (счастливо). А я ему купила галстук. Очень абстрактный. Как вы с ним любите.
В и к т о р. Роскошно. У меня к вам просьба: если он придет, велите ему позвонить мне сюда, чтобы я даром не ждал, ладно?

Н и н к а. Ладно! А если он придет домой, вы ему скажите, пожалуйста, что я давно уже с работы пришла и жду его звонка. Чтобы позвонил сейчас же! Пожалуйста!

В и к т о р. Есть, Ниночка. Будет сделано. (Вешает трубку.) Уф!

В а л е р и к. Ты гений. Что значит артист. Здорово сработано! Теперь - порядок: не нагрянет. Будет сидеть и ждать. Но в своей гениальности ты пересоллил. Дело в том, что у нее дома я не бываю. Там этот братец, и во всех отношениях незачем мне там отсвечивать... Она удивилась, когда ты сказал, что я приду?

В и к т о р. Не очень.

В а л е р и к. Хотя они редко удивляются. То, что с ними произошло, кажется им таким великим чудом, что уж больше ничто их не поражает.

В и к т о р. Она тебе приготовила подарок.

В а л е р и к. Фу, черт.

В и к т о р. Абстрактный галстук.

В а л е р и к. Бедняжка.

Они перешли из передней в комнату. На небольшом столе приготовлены фрукты, выпивка, рюмки.

В и к т о р. Если хочешь знать мое мнение - время нам с тобой эту бодягу кончать. Поболтались, и хватит.

В а л е р и к. Если ты говоришь о Нинке...

В и к т о р. Вообще говорю. Хочу жизни строгой, собранной, целеустремленной.

В а л е р и к. Интонации Германа.

В и к т о р. Хочу быть настоящим актером. Хочу, чтоб уважали хорошие люди. Откровенно говоря, после вот такого телефонного разговора чувствуешь себя пакостно.

В а л е р и к. Ну, Витька! Я тебя тоже выручал!

В и к т о р. И я тебя выручил. И оба мы с тобой - сволочи первой марки.

В а л е р и к. Герман, Герман! Слова Германа, музыка Германа! Он и сегодня будет нас воспитывать... Ну почему мы сволочи? Спроси хоть у Нинки: была она со мной счастлива? Да она тебе скажет, что для нее солнце взшло, когда мы встретились!.. Напрасно ты его позвал. Кого бы ни будь повеселей.

В и к т о р. Ничего. Это полезно, чтобы совесть иногда беспокоилась.

В а л е р и к. Слушай, только не напускай на себя. Не выношу, когда ты на себя напускаешь. То про похороны, то про совесть. Даже Рэм говорит, что это старомодно. (Насвистывает весело и возбужденно.) Рэма я не позвал. Меньше поучений, меньше наставлений.

В и к т о р (оглядывая стол). А четвертый прибор для кого?

В а л е р и к. Увидишь, увидишь, увидишь.

В и к т о р (лениво). Секрет?

В а л е р и к. Сюрприз, сюрприз, сюрприз.

Звонок в дверь.

(Самодовольно.) Вот!.. (Идет открывать.)

Входит М а х р о в ы й и еще какой-то ч е л о в е к. Они одеты в поношенные полушубки, ушанки, неуклюжие подшитые валенки. На шапках и плечах у них снег. У Махрового в руке маленький старый чемоданчик. Человек, вошедший следом, безмолвен и невыразителен. Махровый пошаркал подошвами о половику у порога, и человек пошаркал. Как тень, держится он за плечом Махрового.

М а х р о в ы й. Здравствуй, Валерочка.

В а л е р и к. Здравствуйте...

М а х р о в ы й. Не ожидал?

В а л е р и к. Заходите, Алексей Аркадьич. Рад вас видеть.

М а х р о в ы й. Давно не видались.

В а л е р и к. Я все собираюсь.

М а х р о в ы й. Прособирился, Валерочка.

В а л е р и к. Заходите, пожалуйста.

М а х р о в ы й. Да я на минутку.

В а л е р и к. Да вы зайдите.

М а х р о в ы й. Не зайду, не уговаривай! Я именно на одну минутку. И по пустяковому делу. (Понизил голос.) Ты подумал - я насчет тех денег? Нет!

В а л е р и к. Тише...

М а х р о в ы й. Кто там - мамаша?

В а л е р и к. Товарищ один.

М а х р о в ы й (громко). Пустяковое дело. (Тихо.) Сунь эту штуку куда-нибудь. (Громко.) Мы тут с приятелем были в бане, а теперь спешим в приличное одно место, куда, понимаешь, с грязным бельем... (Тихо.) Получше куда-нибудь засунь. Головой отвечаешь, помни. Дней через несколько - либо я сам зайду, либо он. (Громко.) Я, конечно, извиняюсь за такую интимную просьбу.

В а л е р и к (отступает). Я не хочу.

М а х р о в ы й. А деньги - хотел?

В а л е р и к (отстраняет чемоданчик). Не хочу!

М а х р о в ы й (тихо, безмятежно). Деньги брал?

Его спутник молча придвигается к Валерику.

В а л е р и к. Я же отдам!

М а х р о в ы й. Тонуть будем вместе. Как камень на дно пойдешь. Быстро убирай, ну?! А слегавишь - жизни рад не будешь. Смерти запросишь не дадим. Ясно?

Он уходит, и его спутник за ним. На мгновение спутник оглянулся на Валерика. Дверь негромко хлопнула. Валерик стоит с чемоданчиком в руке... Возвращается в комнату.

В и к т о р (около проигрывателя перебирает пластинки). Где же гости? Это не гости?

В а л е р и к. Не гости. Это маму спрашивали. По ее каким-то делам...

В и к т о р. У тебя нет этой пластинки, знаешь - из фильма "Мост через Квай"?

В а л е р и к (бормочет). Через Квай?

В и к т о р. Ну помнишь - марш?

В а л е р и к. Марш?.. (Он нашел наконец место для чемоданчика - на платяном шкафу; забросил его туда и почувствовал облегчение. Дар речи вернулся к нему.) Конечно, помню. Марш английских солдат. (Насвистывает.) У меня нет, к сожалению. А это ты знаешь? (Ставит пластинку.)

Звонок в дверь.

(Слабей.) О черт! (Идет отворять.) Кто там?

Т а м а р а (за дверью). Боже, какие предосторожности! (Входит с тортом.) Поздравляю тебя! Поздравляю! Чего тебе пожелать? Расти большой? Ты уже вырос большой. Будь красивым и умным? Ты уже красивый и умный. Желаю тебе того, чего ты сам себе желаешь. (Сделала ему томные глаза.) Это тебе торт. Я не спросила - ты ешь торт? Лично я предпочитаю перец и уксус. Но мужчины любят сладкое, мужчины - сладкоежки... Помогите же мне раздеться!

В а л е р и к (бросается снимать с нее пальто). Деточка, я засмотрелся на тебя. Ты сегодня страшно красивая.

Т а м а р а. Больше, чем обычно?

В а л е р и к. Еще больше, чем обычно.

Т а м а р а. Слушай, не ври. Меня сегодня стриг другой парикмахер и все испортил.

В а л е р и к. Ничего он не испортил, наоборот. Не клевети на человека.

Т а м а р а. Я специально стриглась ради твоего рождения, - ты оценил?

В а л е р и к. Еще бы...

Объятие.

Т а м а р а. Ну, идем.

В а л е р и к. Идем, я тебя познакомлю с моим лучшим другом, тем самым Виктором, будущей знаменитостью.

Т а м а р а. Торт, торт, забирай торт! Я требую, чтобы все будущие знаменитости ели мой торт!

В своей тихой комнате Нинка шьет детскую распашонку и разговаривает с Ж а н н о й, зашедшей ее навестить.

Ж а н н а. Может, еще придет. Еще рано.

Н и н к а (взглянула на часы). Уже не рано.

Ж а н н а. Ну, знаешь их. Вечно у них тысяча дел. Пока до тебя дойдет, в двадцать мест забежит. Вот и Костя где-то загулял.

Н и н к а. Костя теперь по вечерам у девчат сидит в общежитии.

Ж а н н а. Да ну.

Н и н к а. Домой только ночевать приходит. Кто-то там ему нравится. Бриться стал каждое утро. В Дом культуры ходят вместе.

Ж а н н а. Это все не так много значит.

Н и н к а. Она ему рубашки починяет.

Ж а н н а. Вот это уже что-то, что можно принять во внимание. Основательно, значит, поставили дело. Женятся, как считаешь?

Н и н к а. Не знаю. Он мне ничего не говорит. От посторонних узнаю.

Телефонный звонок. Нинка кинулась к аппарату.

Я слушаю!.. Кого?.. (Горько.) Сейчас. (Зовет.) Катерина Ивановна, вас к телефону! (Вернулась к своему шитью.)

Ж а н н а (вздыхая). Ты не волнуйся. Тебе волноваться нельзя. (Рассматривает Нинкино рукоделие. Грустно.) Чудные какие получаются вещички...

Сидят молча. Звонок в дверь. Нинка бежит отворять.

Н и н к а (дрожащим голосом). Катерина Ивановна, к вам! (Решительно звонит по телефону.)

У Валерика музыка. Виктор ставит пластинки. Валерик и Тамара танцуют. На столе пустые бутылки. Очень прямо сидит Г е р м а н, он выпил и настроен воинственно. В музыку врываются телефонные звонки.

В а л е р и к (продолжая танцевать, многозначительно). Виктор!

В и к т о р (выходит в переднюю, берет трубку). Да.

Н и н к а. Это Витя?

В и к т о р. Да.

Н и н к а. Это Нина говорит. Не приходил Валерик?

В и к т о р. Нет.

Н и н к а. И не звонил?

В и к т о р. Нет.

Н и н к а. Вы тоже его всё ждете?

В и к т о р. Да.

Н и н к а. Вы странно как-то говорите... Может быть, с ним что-нибудь случилось?

В и к т о р. Что могло случиться?

Н и н к а. Вдруг что-нибудь.

В и к т о р. Не думаю.

Н и н к а. Нет, правда, Витя. Ничего не случилось?

В и к т о р. Ровным счетом ничего, насколько мне известно.

Н и н к а. Вы еще будете ждать?

В и к т о р. Не знаю. Может быть.

Н и н к а. Если дождетесь - пожалуйста, обязательно ему скажите... Как мы с вами договорились.

В и к т о р. Хорошо. (Вешает трубку.)

Н и н к а (Жанне). И дома его нет.

Ж а н н а (не выдержала умиротворяющего тона, взорвалась). И ты им веришь! Этому Витьке ты веришь! Это не знаю кем надо быть, чтобы им верить!..

Валерик продолжает танцевать с Тamarой.

Г е р м а н (громко). Виктор, п-послушай!

В и к т о р. Слушаю.

Г е р м а н. Виктор, я чего-то недопонимаю.

В и к т о р. Чего ты недопонимаешь?

Г е р м а н. Я привык лицезреть ваш развратец. Ваш п-проклятый маленький гаденький развратец. Который вы обставляете разными красивыми вольнодумными словами. Вы меня приучили лицезреть. Вы меня даже приучили относиться либерально. Но этого я не понимаю.

В и к т о р. Чего?

Г е р м а н. Почему я относился либерально? К тебе, в частности. По одной причине. Потому что вы не столько развратники, сколько п-притворяетесь развратниками. Вам кажется, что это вас украшает. Что вы от этого привлекательней... (Показывает на танцующую пару.) Думаешь, они друг без друга не могут обойтись? Великолепным образом могут. А притворяются, что не могут. Думаешь, они развратники? Д-дураки они, а не развратники. Вот почему, Виктор, я отношусь либерально. Но этого все-таки не могу понять, нет.

В и к т о р. Да чего, чего?

Г е р м а н. Где девочка?

В и к т о р. Какую тебе девочку? Вон девочка.

Г е р м а н. Это не девочка, а знаешь кто? Сказать тебе?

В и к т о р. Лучше не говори.

Г е р м а н. Где Нина? Где девочка, которую заманили, сбили с дороги, душевно ограбили и т-теперь заменяют какой-то...

В и к т о р. Тише, тише.

Г е р м а н. Тебе известно, что она из-за него работу потеряла?

В и к т о р. Ну, работает где-то.

Г е р м а н. А тебе известно, что она ребенка ждет? Я на днях ее встретил...

В и к т о р. Слушай, что ты ко мне пристал? При чем тут я? (Меняет пластинку.)

Г е р м а н. Вот, вот. "При чем тут я". Вот это самый ваш с-сволочизм. Ненавижу. Не-на-ви-жу. Ответственность друг за друга должна быть, или как? На все начхать, кроме своих собственных дел? Человек будет задыхаться у вас на глазах, а вы на этом человеке отплясывать будете со своими?..

В и к т о р. Герман, ты надрался, давай помолчим немного.

Г е р м а н. И не п-подумаю молчать.

В и к т о р. Слушай музыку.

Г е р м а н. И не п-подумаю слушать вашу музыку.

Т а м а р а (со смехом падает на тахту). Не могу больше! Валерик, не могу! Голова кружится! Ты меня перепоил, Валерик! Зачем ты меня перепоил? Я пьяная, пьяная, пьяная! (Протягивает руку к Герману.) Сигарету!

Так как Герман на этот приказ не реагирует, сигарету и спички, суетясь, подносит ей Валерик.

(Закурила полулежа.) А зря ты ругал свою квартирку, Валерик. У тебя симпатично.

В а л е р и к. Смеешься. Вся квартира сделана из одной комнаты.

Т а м а р а. Ну что ж. И очень симпатично сделана. Такие миленькие коробочки.

В а л е р и к. Именно коробочки, особенно по сравнению с вашей квартирой.

Т а м а р а. У нас квартира ничего. Хотя, конечно, бывают лучше. Я больше всего люблю нашу ванную. Папа дивно оборудовал нашу ванную. Я начинаю день с ванны и кончаю день

ванной. (У нее слегка заплетается язык. Она похлопала рукой по тахте.) Сядь сюда...

Потухло, дай спичку... Валерик, я пьяная...

Г е р м а н (преувеличенно громко). Валерик!

В а л е р и к. А?

Г е р м а н. А где т-твоя невеста? Нина где? Почему нет Нины?

В а л е р и к. Герман, брось трепаться.

Г е р м а н. Она здорова? Как она себя чувствует? А? Валерик?

В а л е р и к. Да брось, ну что ты на самом деле.

Г е р м а н. Я читал в вечерке твое объявление о разводе - вы, значит, с Ниной скоро поженитесь официально?

В а л е р и к (Виктору). Что я тебе говорил? Я тебе говорил, что он будет портить настроение? Говорил я тебе?

Виктор отворачивается.

Т а м а р а (села на тахте - трезвая, деловая). С кем поженитесь? Какая невеста?

А на улице зима, снег идет. Под снегом у дома, где живет Валерик, стоит ч е л о в е к. Белая эмалевая дощечка с номером мирно освещена... Другие люди приближаются, и все один за другим входят в подъезд.

Что за номера, Валерик?

В а л е р и к. Тамарочка, деточка, это же чистый треп!

Т а м а р а. Валерик, - нет, не треп. Отвечай: какая такая Нина?

В а л е р и к. Да нет же, господи помилуй, никакой Нины!

Т а м а р а. Валерик, ты врешь. Отвечай. Нет, ты молчанкой не отделаешься. Ты ответишь. Имей в виду.

В а л е р и к. Деточка! Ну какими тебе клясться клятвами? Радость моя! Это же известный трепач! И розыгрыш-то самый банальный, ну как не стыдно верить, ну ты же умница! Никакой Нины не существует в природе! Пошли танцевать!

Т а м а р а. Нет, правда?

В а л е р и к. Третий раз тебе говорю: никогда не знал никакой Нины! Слышишь, никогда!

Долгий громкий звонок. Виктор отворяет. Входят д в е степенные закутанные д в о р н и ч и х и, за ними м и л и ц и о н е р, за ним д в о е ш т а т с к и х.

О д и н и з ш т а т с к и х (Виктору). Вы тут хозяин будете?

В и к т о р. Валерик! Тебя спрашивают.

Валерик выходит, встрепанный.

Ш т а т с к и й. Синицын, Валерий Николаевич?

В а л е р и к. Да...

Ш т а т с к и й (показывает раскрытую книжечку). Уголовный розыск. С обыском к вам. Ознакомьтесь с ордером, пожалуйста.

Валерик знакомится.

Распишитесь, что ознакомились.

Валерик расписывается.

В первую очередь попрошу предъявить чемодан, который вам оставили на хранение сегодня вечером.

6

В кабинете у с л е д о в а т е л я рыдает м а т ь В а л е р и к а.

М а т ь В а л е р и к а. Товарищ следователь, товарищ следователь, да вы посмотрите на него! Вы же его видели! Ну посмотрите на него хорошенько! Чтобы с таким лицом - преступник?! Господи! Слепые вы... безумные, ох!.. Чтобы мой Валерик - преступник!

Следователь молча перелистывает бумаги.

Такой мальчик! Только что двадцать пять лет исполнилось. День рождения справляли... Товарищ следователь, я вас убедительно прошу, посмотрите на него как следует, в глаза ему посмотрите, это же не может быть!

С л е д о в а т е л ь. Чего не может быть?

М а т ь В а л е р и к а. Чтобы он в чем-нибудь был виноват. Он ни в чем не может быть виноват!

С л е д о в а т е л ь. Успокойтесь, и продолжим наш разговор разумно. У вас какая профессия?

М а т ь В а л е р и к а. Медицинский работник Мед сестра.

С л е д о в а т е л ь. Где работаете?

М а т ь В а л е р и к а. В больнице Эрисмана. Папочку нашего мобилизовали, я на курсы сестер пошла. Всю войну в тылу по госпиталям, а после эвакуации у Эрисмана. Скоро юбилей могу отмечать.

С л е д о в а т е л ь. Муж когда убит?

М а т ь В а л е р и к а. В феврале сорок третьего пришла похоронная, семнадцатого числа. А когда его не стало, нашего папочки, мы не знаем.

С л е д о в а т е л ь. Сами, значит, сына поднимали.

М а т ь В а л е р и к а. Сама, товарищ следователь! Своими руками!

С л е д о в а т е л ь. Образование дали хорошее.

М а т ь В а л е р и к а (с гордостью). Да уж, кажется, ничего не упустила. И сейчас он... перед этим несчастьем... английские уроки брал, моя деточка. (Горько заплакала.)

С л е д о в а т е л ь. Частные уроки?

М а т ь В а л е р и к а. С самой первоклассной учительницей занимался. У нее произношение самое замечательное, он говорит.

С л е д о в а т е л ь. И не работал.

М а т ь В а л е р и к а. Товарищ следователь, он собирался работать! Он английским переводчиком собирался работать!

С л е д о в а т е л ь. А ведь это, наверно, дороговато - частные уроки, да еще у первоклассной учительницы, как вы ухитрялись из своей зарплаты?

М а т ь В а л е р и к а. Товарищ следователь, я с вами буду вполне откровенна. Наше медсестринское дело такое, что мы можем иметь приработок. У кого, конечно, настоящая квалификация. Меня, например, уважают в некоторых профессорских семьях. И даже один член-корреспондент. Если нужно укол, или банки, или подежурить около больного, они никаких сестер не признают, только меня. А почему, потому что у меня рука легкая. Я не болезненно делаю, приятно. И сильная: мне помогать не надо, какого хотите больного сама поверну, переложу как ему удобно.

С л е д о в а т е л ь. В тот вечер, когда справлялся день рождения, вы были в больнице?

М а т ь В а л е р и к а. Нет, я не была в больнице.

С л е д о в а т е л ь. Дежурили у какого-нибудь больного?

М а т ь В а л е р и к а. Нет.

С л е д о в а т е л ь. А где вы были, вы можете сказать?

М а т ь В а л е р и к а. Конечно, могу, в этом ничего нет такого. Я сначала была в кино. В "Титане". Потом пошла к знакомой и у нее осталась ночевать. Я вам адрес дам, она подтвердит.

С л е д о в а т е л ь. Почему же вы ушли из дому, когда праздновался день рождения сына? Поссорились с ним, что ли?

М а т ь В а л е р и к а. Что вы, разве я когда-нибудь ссорилась с Валериком. Просто, когда у него собирается молодежь, я ухожу. Квартирка у нас тесная. Что я там буду торчать, мешать им.

С л е д о в а т е л ь. Это сын вас просил уходить?

М а т ь В а л е р и к а. Да я бы и сама догадалась. Люди молодые, у них свои интересы... И не так часто у него собираются. А мне совершенно не трудно где-нибудь переночевать. Я на работе вообще привыкла, свободно могу не поспать одну, другую ночь.

С л е д о в а т е л ь. Вы слышали когда-нибудь такую фамилию Махровой?

М а т ь В а л е р и к а. Никогда не слышала.

С л е д о в а т е л ь. Не упоминал ваш сын эту фамилию?

М а т ь В а л е р и к а. Никогда не упоминал.

С л е д о в а т е л ь. А не замечали, чтобы он интересовался валютными ценностями?

М а т ь В а л е р и к а. Господи, - ценности, да еще валютные! Он их и не знает.

С л е д о в а т е л ь. Брильями.

М а т ь В а л е р и к а. Чем?

С л е д о в а т е л ь. Брильями.

М а т ь В а л е р и к а. Извиняюсь, мне даже странно. Мы с ним о брильями только в романах читали, как и вы, я думаю; чего ради он заинтересуется?

С л е д о в а т е л ь. А за что он получил от Махрового десять тысяч рублей?

М а т ь В а л е р и к а. Десять тысяч, это я не знаю. Я знаю четыре тысячи, это он занял, в долг взял. И не у Махрового, а у какого-то своего знакомого. Фамилию не скажу, знаю только имя-отчество.

С л е д о в а т е л ь. Какое же имя-отчество?

М а т ь В а л е р и к а. Алексей Аркадьич. Это когда Валерик приехал с Сахалина и у нас трудное было время - я болела, а его в дороге обворовали, и ему одеться надо было, - вот он приходит один раз и говорит - меня, говорит, мой знакомый выручает, Алексей Аркадьич, дает в долг четыре тысячи.

С л е д о в а т е л ь. Десять.

М а т ь В а л е р и к а. Валерик сказал - четыре.

С л е д о в а т е л ь. В расписке написано - десять.

М а т ь В а л е р и к а. В какой расписке?

С л е д о в а т е л ь. Которую нашли у Махрового.

М а т ь В а л е р и к а. У Махрового?.. (Вдруг что-то поняла, ослабела.) Товарищ следователь, во что его путают?

С л е д о в а т е л ь. Сам запутался.

М а т ь В а л е р и к а. Господи, куда?! Он не может быть преступником, что вы говорите?! Он по натуре своей не способен ни на что дурное! По своей прекрасной душе!.. Его, возможно, обманули какие-нибудь негодяи... Он такой, мой Валерик, доверчивый! Его каждый может обвести вокруг пальца!..

На набережной Невы, любуясь туманной панорамой города, стоят Г е р м а н и В и к т о р.

Г е р м а н. Из вопросов следователя я сделал з-заключение, что это крупные зубры, скупщики валюты, - дело явно очень д-дрянное, антигосударственное.

В и к т о р. Я не верю, чтобы он в этом принимал участие!

Г е р м а н. Да, я тоже не д-думаю. Думаю, что тут одно легкомыслие. Одно ваше кретинское - тра-ля-ля, давайте жить легко.

В и к т о р. Ты мне всю жизнь будешь этим колоть глаза?

Г е р м а н. Всю жизнь не выйдет, я ведь уезжаю.

В и к т о р. Представь - мне жаль.

Г е р м а н. Да что ты.

В и к т о р. Вот представь, мы с тобой пререкаемся с детства, и ты не даешь мне проходу, и вообще ты отвратительный педант, но мне почему-то не хочется, чтобы ты уезжал.

Г е р м а н. Спасибо, Витя. Видишь ли, Витя, у меня очень большая жизненная программа. Мне нужны просторы.

В и к т о р. Этих просторов тебе мало?

Г е р м а н. Мало!

Идет Р э м.

А, Рэм, з-здорово, Рэм!

Р э м. Здравствуйте, ребята.

В и к т о р. Привет.

Р э м. Герман, ну как - распределился?

Г е р м а н. Распределился.

Р э м. И куда?

Г е р м а н. Красноярский край.

Р э м. Не далековато?

Г е р м а н. В самый раз.

Р э м. И когда же?

Г е р м а н. Сразу п-после выпуска.

Р э м. А что с Валериком, ребята? Прояснилось что-нибудь?

В и к т о р. Еще проясняется.

Р э м. Вот бедняга, как это его угораздило?

В кабинете следователя сидит Т а м а р а.

Т а м а р а. Десять тысяч? Я у него десять рублей ни разу не видела. Если хотите знать, я все билеты за свои деньги покупала, и в кино, и в театр, и на эту аргентинскую певицу, как ее... Можете поверить. И за себя платила, и за него. Сигареты, и те покупались на мои деньги. Кстати, я бы хотела закурить.

С л е д о в а т е л ь. Пожалуйста. Но десять тысяч он получил. Он сам это признает.

Т а м а р а (закурила). Подумаешь. Ну, получил, допустим. Получил и истратил. Оделся прилично, и опять без гроша. Когда мы познакомились, я же вам говорю, - он был абсолютно без гроша.

С л е д о в а т е л ь. Но за что он получил?

Т а м а р а. Да ни за что. Просто в долг взял. Мне папа добавляет к стипендии очень прилично, и то бывает, случается - стреляешь у кого-нибудь десятку, а то и трешку.

С л е д о в а т е л ь. Как он мог взять в долг такие деньги, когда он не работал? На что он рассчитывал?

Т а м а р а. Ну... я не знаю. Выплатил бы когда-нибудь... Какое это имеет значение?

С л е д о в а т е л ь. Вы считаете, это моральный поступок - брать в долг, не предвидя реальной возможности вернуть взятое?

Т а м а р а. Гражданин следователь, я вас попрошу - не учите меня, что морально, что аморально. Я сама в этом как-нибудь разберусь. Очевидно, те, кто дал ему эти деньги, и не предполагали, что он их вернет завтра-послезавтра.

С л е д о в а т е л ь. Очевидно. Поэтому и встает вопрос: за что ему дали такую сумму при столь туманных перспективах?

Т а м а р а. Я же вам говорю: он эту сумму занял. А уж на что рассчитывал, это его личное дело. Не понимаю, почему это вас заботит когда бы он вернул долг этим подонкам. Почему вы требуете, чтобы Валерик беспокоился о подонках как о порядочных людях.

С л е д о в а т е л ь. Вам не кажется, что в этой истории все подонки?

Т а м а р а. Потрудитесь его не оскорблять. Вы не имеете права. Учтите, если дойдет до суда - его будет защищать самый лучший защитник. Я говорила с папой, и папа мне обещал. Вам не удастся закатать Валерика вместе с какими-то уголовниками.

С л е д о в а т е л ь. Мы не стараемся закатать Валерика. Мы стараемся выяснить истину.

Т а м а р а. Истина заключается в том, что бедного воробышка просто оболванили.

С л е д о в а т е л ь. Спорить с вами не буду. Может быть и так.

Т а м а р а. Увидите, что так, а не иначе!

...И вот опять набережная. Сияющий весенний вечер. Т а м а р а прогуливается с В а л е р и к о м.

В а л е р и к. Ну где еще у нас увидишь такие набережные, такие ансамбли?

Т а м а р а. Даже не подозревала, что это такое счастье, воробышек, слышать твой голос. Я боялась, что не скоро его услышу.

В а л е р и к. Что такое? Это теперь всегда будет, что ли? Даже злодея, ей-богу, не обрекают на то, чтобы на каждом шагу...

Т а м а р а. Что, что, что ты?

В а л е р и к. Опять ты напоминаешь! Зачем ты мне напоминаешь! Надо же быть хоть немножко чуткой, деточка!

Т а м а р а. Ну извини, извини!

В а л е р и к. Ненавижу вспоминать неприятности! Мало ли кто каких не делает глупостей! Неужели тебе нравится...

Т а м а р а. Не буду, не буду, не буду!

В а л е р и к (после небольшого молчания, прежним лирическим тоном). Ты знаешь - забавно, - когда я жил на Сахалине, ни разу мне Сахалин не приснился, всегда снился Ленинград.

Т а м а р а (прижавшись к нему). Скоро опять будут белые ночи...

В а л е р и к. Да, - ты только посмотри на это небо...

7

Светлый вечер смотрит вверх крыш с антеннами и трубами в окно Н и н к и н о й комнаты.

Н и н к а (над детской кроваткой). Ты мой маленький. Ты мой маленький. Ты мой такой смешной. Ты мой такой похожий на папу... Ну что, маленький? Ну что? Ну что?.. С понедельника в ясли с тобой пойдем. В ясли. Маленький в ясли, а мама на работу. Хватит маме гулять. Хватит, нагулялась. Иди, мама, лифчики шить. С ляжками и без лямок. А маленькому в яслях будет хорошо. Спать на балконе будет маленький, на воздухе. Витамины будут маленькому давать. На весах взвешивать. Нянечки там хорошие... И дядю Костю меньше будем обременять. Разгрузим тебя, дядя Костя, бедненький. Дадим тебе отдохнуть. А то Катерина Ивановна говорит, что мы у тебя как две гири на ногах. Две гири... Ты на нас не сердись, дядя К о с т я. Мы больше не будем. Спасибо тебе за все. Теперь мы уже сами. Понемножку. Трудно - это ничего. Маленький мой не почувствует...

Входит К о с т я.

К о с т я (тихим голосом). Ко мне никто не приходил?

Н и н к а. Нет.

К о с т я. И не звонил?

Н и н к а. Нет.

К о с т я. Спит племянник?

Н и н к а. Засыпает. Ничего, Косточка, говори громко. Он заснет.

К о с т я (заглянул в кроватку). Все в порядке у племянника?

Н и н к а. Все в порядке. С понедельника в ясли несусь.

К о с т я. Н и н к а. Мне с тобой нужно поговорить.

Н и н к а. Я давно жду, Косточка, чтоб ты со мной поговорил.

К о с т я. Зина обижается, что я чуть не полгода тяну, - это я специально и исключительно ради тебя тянул, имей в виду.

Н и н к а. Я знаю.

К о с т я. Даю тебе слово, если б твоя история закончилась иначе, я бы переехал в общежитие, я бы еще столько ждал...

Н и н к а. Я знаю, знаю!

К о с т я. ...лишь бы у тебя наладилось. Но вчера я узнал, что этот мерзавец...

Н и н к а. Не надо!

К о с т я. ...который даже ни разу не счел нужным зайти взглянуть на своего ребенка... Что он женился. Тебе это известно, я думаю.

Н и н к а. Да.

К о с т я. Во Дворце бракосочетаний, скотина, регистрировался. Я как узнал - в глазах потемнело...

Н и н к а. Не надо, Косточка.

К о с т я. Действительно, после драки - что ж махать кулаками. В свое бы время я должен вмешаться, Зина права. Воздействовать как-то... Ведь чувствовал, что этим кончится.

Сбила ты меня тогда: заступалась очень... Да, я, собственно, вот о чем. Сейчас-то уж никакого смысла нам с Зиной дальше тянуть, ты согласна?

Н и н к а. Никакого смысла.

К о с т я. Можно эту комнату перегородить, как ты считаешь?

Н и н к а. Конечно.

К о с т я. Если вот так поставить перегородку.

Н и н к а. Можно и так. Нам с маленьким лишь бы какой-нибудь уголок.

К о с т я. Зачем это. Почему вам с маленьким уголок. Поровну будем делить, по справедливости. Зина человек очень справедливый. И, знаешь, открытый такой, прямой. Хороший человек... Причем я хочу тебя обрадовать, что вся эта заводилка с перегородками - это ненадолго, месяца на четыре, самое большее на пять. К годовщине Октября нам квартиру обещают в новом доме.

Н и н к а. Как хорошо, Косточка!

К о с т я. А эта комната останется вам с племянником. Ты ничего не имеешь против, если Зина начнет перебираться сегодня вечером?

Н и н к а. Что я могу иметь против. Я за тебя рада, Косточка.

К о с т я. Да, понимаешь, прекрасный человек! Она, собственно, сегодня только зайдет посмотреть - что у нас есть, и чего нет, и что нужно купить. А завтра мы с ней все купим, и я ее перевезу. Что-то она задержалась.

Звонок.

Ага, вот и мы! (Идет отворять.)

Входит Ж а н н а.

Н и н к а. Это ты, Жанночка?

Ж а н н а. До чего у Кости ко мне антипатия. Открыл дверь, - прямо фыркнул на меня: "здрате!" - как будто я не знаю кто такая. Во всяком случае, не человек. Я тебе принесла пивные дрожжи.

Н и н к а. Что принесла?

Ж а н н а. Пивные дрожжи.

Н и н к а. Зачем?

Ж а н н а. Наши бабки на фабрике все в один голос - чтоб ты пила пивные дрожжи. Пей.

Н и н к а. Это полезно маленькому?

Ж а н н а. Вот я не спросила, как маленькому, а тебе, они говорят, очень полезно.

Н и н к а. Я спрошу в консультации.

Ж а н н а. Слушай, пей! Уж наши бабки в этих вещах разбираются. Пей, пожалуйста! Я за этими дрожжами целый час стояла в очереди со сплошными алкоголиками.

Н и н к а. Почему с алкоголиками?

Ж а н н а. Так дрожжи ведь пивные. Алкоголики их пьют вместо пива. Жутко дешево: пятьдесят копеек литр. Он за полтинник так охмелеет, будь здорова. Некоторые вот с такими бидонами стоят. Пей!

Н и н к а. Нет, Жанночка, нет. Я сначала узнаю в консультации.

Звонок.

(Тихо.) Жанка, ты знаешь - Костя женится.

Ж а н н а. Да ну. На той самой?

Н и н к а. Той самой. Комнату будем перегораживать.

Ж а н н а. Новости...

Костя вносит сумки с кастрюлями и разной утварью, за ним входит З и н а.

З и н а. Здравствуйте.

Н и н к а. Здравствуйте...

К о с т я. Вот это Нина, знакомься.

З и н а. Здравствуй, Нина. А это, значит, племянник.

К о с т я. Это племянник.

З и н а (покровительственно). Хорошенький ребеночек. Носик какой симпатичный... Это, значит, ваша комната. Знаешь, Костя, что будем покупать первым делом? Первым делом придется покупать гардероб. Без гардероба очень портится одежда. Как ты ее там ни прикрывай, а на стенке одежда портится. Гардероб поищем хороший, но без зеркала, с зеркалом сейчас не модно. С остальной мебелью, мое мнение, подождем до новой квартиры. Кухонный шкафчик есть, ты говорил?

К о с т я. Есть.

З и н а. Покажи, что за шкафчик. (Вслед за Костей плавно выходит из комнаты.)

Н и н к а. Красивая...

Ж а н н а. Как себя держит, прямо министр.

Н и н к а. К работе приступлю - опять мало буду дома бывать.

Ж а н н а. Все же больше придется, чем прежде. Дома-то бывать. Купать будем сегодня?

Н и н к а. Попозже.

Ж а н н а. Я, может, воды пока нагрēju?

Слышен голос Зины: "Ну хоть шаром покати! А хвалился, хвалился!.."

Н и н к а. Подожди. Попозже нагреем... Жанка, они расписывались во Дворце бракосочетаний?

Ж а н н а. Валерик с Тамаркой? Во Дворце. Я тогда не досказала, потому что ты была как сумасшедшая... А живут у Тамаркиного отца. Сейчас, кажется, на дачу уехали. В Ушкове у них дача. Слушай, только больше не сходи с ума, ладно? Думай о маленьком и не сходи.

Н и н к а. Жанка, наша любовь началась в Ушкове.

Ж а н н а. Думай о маленьком.

Н и н к а. "Любовь должна быть радостью, сияньем, праздником, балом..." И он может ходить по Ушкову и не думать обо мне.

Возвращается З и н а.

З и н а. Посмотрела ваше хозяйство - ничего у вас нет, пустой шкафчик. Ни круп, ни муки. Соли, и то на доньшке. Чаю щепотки нет заварить.

Н и н к а. Я утром пойду гулять с маленьким, куплю чаю.

З и н а. А Костя хвалился - там сестренка у меня, говорит, борщи мне, говорит, варит. А у сестренки и луковицы в хозяйстве нет. Ни на что не похоже.

Н и н к а. Это я раньше, правда, варила...

Ж а н н а. Она варила!

Н и н к а. А сейчас как-то...

З и н а (твердо). Ни на что не похоже. Сразу давай-ка договоримся: забота пополам. Нас тут две женщины, значит обе должны заботиться. Я смотрю за хозяйством, и ты смотришь. И не как-нибудь - спустя рукава, а толково. У тебя ребенок, я сознаю, сочувствую, а у меня, дорогая, бригада на руках, тоже ответственность, особенно не погуляешь. Так что давай чтоб было у нас с тобой на высоте. (Достает из принесенных сумок кухонную посуду.) Какая симпатичная ваша соседка, Катерина Ивановна, до чего хозяйственная женщина и опрятная, вот на кого удовольствие смотреть. (Ушла.)

Ж а н н а (вздыхнув). Хочешь, я сбегаю, куплю чаю. И чего там, соли?

Весело смеясь, входит К о с т я.

К о с т я. Да, теперь забегаем. Осрамылись мы с тобой, Нинка. Всыпала нам Зина за наше цыганское житье. Почему, говорит, варенье не варили.

З и н а (входит за ним). О холодильнике тоже думать надо, по чужим холодильникам тыкаться - одни слезы.

К о с т я. Ну, не все сразу, Зинуша, не все сразу!

З и н а. Я не говорю - все сразу. Я говорю - думать надо. Сходи-ка, Костя, в продуктовый магазин. Чем сидеть сложа руки. Ты возьми эту сумку... Когда человек сидит сложа руки, он, между прочим, только хуже размагничивается... А себе я эту возьму. И авоську... Человек должен быть как гвоздик прямой и бодрый... Пошли, Костя, купим каких надо продуктов, ликвидируем, так сказать, этот прорыв.

Большая и решительная, она энергично движется по комнате, комната заполнена ее движением, ее властным голосом. Затихшие, сидят Нинка и Жанна, и вздыхают облегченно, когда Зина уходит с Костей, сказав на прощание: "Ну, мы скоро!"

Нинка и Жанна вдвоем. Некоторое время молчат.

Н и н к а. Он может ходить по тем местам и не думать обо мне. А я ничего не могу. Хочу и не могу. Иду по тем улицам, где мы вместе ходили, и не могу... Все во мне горит, горит, жжет, - уже силы нет, а оно никак не сгорит... Если бы не маленький, я не знаю, что бы я сделала... Куда мне деваться, Жанка? Ни на что я стала не годная. Как я буду жить?

Она с трудом выговаривает эти слова, и опять они молчат с Жанной. А тем временем посмуглело окно, и тускловатые лампочки экономно осветили лестницу, ведущую в квартиру. Какой-то человек поднимается по лестнице. Смотрит на номера на дверях. Дошел до самого верха... Звонок. Слышно, как отворили дверь. Потом голос из передней зовет: "Нинка! К тебе пришли! Нинка!"

Н и н к а (вяло). Кто там?

Входит Г е р м а н.

Г е р м а н. Здравствуйте, Нина. Здравствуйте, Жанна.

Ж а н н а (вздрогнула, вспыхнула). Здравствуйте.

А Нинка только перевела дыхание.

Г е р м а н. Это ничего, Нина, что я зашел вас навестить?

Н и н к а (неловко). Садитесь, пожалуйста.

Ж а н н а. Садитесь, пожалуйста! (Подает стул.)

Г е р м а н. Благодарю вас, не беспокойтесь. (Заглянул в кровать.) Мальчик?

Н и н к а. Мальчик.

Г е р м а н. Красавец. И здоровенький?

Н и н к а. Ничего.

Г е р м а н. При рождении сколько весил?

Н и н к а. Три девятьсот. Даже три девятьсот двадцать.

Ж а н н а. В больнице сказали - очень хороший вес. Вообще сказали редко бывают такие крупные и красивые дети.

Г е р м а н. Я очень рад и поздравляю вас от души с великолепным сыном! Как з-зовут?

Н и н к а (срывающимся голосом). Его зовут... так же, как отца. Но мы просто зовем - маленький.

Г е р м а н. Скажите, а д-доктор вам не нужен? Я к вашим услугам.

Ж а н н а (она не в силах сдержать широкой, простодушно-радостной, совсем не стильной улыбки). Вы уже доктор?

Г е р м а н. Да, уже доктор. Но пользуйтесь мной, как доктором, поскорей, прошу вас. Я скоро уезжаю.

Ж а н н а (потускнела). Далеко?

Г е р м а н. П-порядочно. В Красноярский край. А вы, Нина, работаете?

Н и н к а. Мне продлили отпуск... На днях начинаю работать.

Г е р м а н. Все там же?

Н и н к а. Там же. Год назад я тоже собиралась уезжать... далеко. Интересно, где бы я сейчас была? Что бы я была такое? Как бы все сложилось?

Г е р м а н. Уехать никогда не поздно.

Н и н к а. Иногда - поздно.

Г е р м а н. В ваши годы еще ничего не поздно.

Н и н к а. Разве?..

Г е р м а н. О чем разговор? Ничто еще д-даже не начато. Вы себя ни в чем не попробовали.

Н и н к а (обвела взглядом комнату). И я могу отсюда уехать?

Г е р м а н. Конечно. Хотите, поедem со мной?

Н и н к а. С вами?

Г е р м а н. Я буду п-почтительнейшим образом сопровождать вас и маленького, если вы разрешите. И обязуюсь вас устроить - в меру моих возможностей, разумеется. Скажем - вначале это будет должность санитарки. Работа тяжелая.

Н и н к а. Я не боюсь!

Г е р м а н. Да вы и без меня там отлично устроитесь! И у вас же впереди пятьдесят лет деятельности, полвека, чего только не п-произойдет с вами за полвека!

Н и н к а. Вы... не шутите?

Г е р м а н. В таких случаях обычно не шучу.

Н и н к а (лихорадочно). И вы скоро едете?

Г е р м а н. Дней через десять. П-подумайте. Посоветуйтесь с вашими близкими. Может быть, не стоит вам здесь и приступать к работе? Ведь нужно успеть собраться в дорогу.

Н и н к а (стиснув руки). Да неужели это правда, что я могу уехать?

Ж а н н а (Герману). Так ли я вас поняла? Я поняла так, что вы ей делаете предложение?

Г е р м а н (возмутившись). Нет! Вы совершенно не так п-поняли! Вы ничего не поняли. Слышите, Нина? Я вам не делал предложения... руки и сердца! И не сделаю! Если хотите знать, вы совершенно не мой ид-деал!.. Почему, черт побери, вам везде непременно мерещится это самое?.. Неужели мы с вами только женихи и невесты?! Неужели мы не люди прежде всего?! Люди, черт побери!! (Спохватился.) Виноват.

Н и н к а. Неужели, неужели я отсюда уеду?..

И все исчезает, сцена погружается в настоящую, глубокую звездную ночь и в грохот колес. Из ночи и грохота выступает розовое утро и уголок вагона с людьми, с грудями багажа на верхних полках. Кто-то пьет чай. Причесывается п о ж и л а я ж е н щ и н а. Нинка спит, обхватив ребенка рукой. За перегородкой молодые голоса поют песню.

П р о в о д н и к (проходит). Кто еще желает чаю?

Г е р м а н. Сюда два стакана, пожалуйста.

Нинка проснулась, вскочила.

Н и н к а. Ой, заспалась, кажется.

Г е р м а н. А спите на з-здоровье. Отдыхайте.

Н и н к а (смотрит в окно). Далеко отъехали?

Г е р м а н. Калинин проехали. Теперь уже Москва близко. Пересядем с вами, и дальше, дальше, дальше!

Н и н к а. Знаете, я ни разу в жизни Москву не видела.

Г е р м а н. Вы вообще ничего не видели. Т-теперь все увидите. Пейте чай.

Н и н к а. Я еще не умытая.

Г е р м а н. Ничего, глотните теплого, полезно.

П о ж и л а я ж е н щ и н а. Я думала - супруги, а они на "вы".

Г е р м а н. Да, мы на "вы". Мы не супруги.

Ж е н щ и н а. Подумайте. Так дружно едут, такой вы к ней заботливый, я решила - супруги.

Г е р м а н. Мы просто товарищи. П-попутчики.

Ж е н щ и н а (не очень убеждена). А ребеночек какой тихий. Девочка?

Н и н к а. Мальчик.

Ж е н щ и н а. Очень тихий. Спит себе да спит, умничек.

Н и н к а. Да, он спокойный. Его и не слышно.

Ж е н щ и н а. Нисколько ночью не мешал.

Ребенок кричит.

Н и н к а. Ему кушать пора.

Г е р м а н. Валяйте. (Выходит, захватив папиросы.)

Ж е н щ и н а. Я вам подам. (Подносит Нинке ребенка.) Чшш, чшш, агунюшки, агунюшки, сейчас, хорошенький, сейчас.

Н и н к а (вполоборота к зрителям, накинув косынку на плечи). Проголодался маленький. Ну что, маленький? Ну что? Ну что?..

За перегородкой молодые голоса поют песню.
1960